

ГЛАВА IX.
ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ
ПРИ ИМПЕРАТРИЦЪ АННЪ ІОАННОВНЪ.

(1736—1739 г. г.)

Зима 173⁵/₆ г. была необыкновенно суровая. Большие снѣга, частыя метели при сильной стужѣ, устраняли всякую возможность передвиженій въ степяхъ и на границѣ царяла тишина, не нарушаемая даже мелкими татарскими партіями. Правда, съ далекаго праваго фланга оборонительной линіи шли слухи о какихъ то приготовленіяхъ къ походу Буджакской и Бѣлгородской орды, получились даже крѣпкія подтвержденія: „быть въ осторожности всякаго случая,“¹ но случай не представлялся и на постахъ по Дону, въ крѣпости Св. Анны, Рязанцы отдыхали, какъ будто въ обыкновенные дни зимтеръ-квартиръ. Все вмѣстѣ съ природою ожидало первыхъ живительныхъ весеннихъ лучей солнца. Но не одна суровая зима только способствовала такому мирному состоянію нашихъ южныхъ окраинъ. Извѣстія о значительныхъ приготовленіяхъ Россіи къ войнѣ, а въ особенности леоптьевская экспедиція въ Крымъ, въ октябрѣ прошлаго года, произвели настоящій переполохъ въ Константинополѣ. Тамъ не въ шутку струсили; потребовали объясненій, недоумѣвая, что все это значитъ? Но получали самыя миролюбивыя завѣренія. Дѣло будто бы сводилось къ тому, что Императрица, не будучи въ состояніи болѣе сносить татарскихъ дерзостей, рѣшилась наказать хана, безъ всякаго однакожь намѣренія разорвать дружбу съ Портою. Въ Турціи, при внутреннихъ неурядицахъ, да персидскомъ походѣ, желали бы и вѣрить этому; громко досадовали на татаръ, и ихъ однихъ выстав-

ляли народу виновниками недорозумѣній съ Россією. Что Порты серьезно не желала войны свидѣтельствуютъ, какъ распоряженія, воспрещающія всякое насилье противъ русскихъ подданныхъ, такъ и отношенія къ нашему резиденту Вешнякову. Онъ не только, вопреки обычаю, не былъ заключенъ въ семибашенный замокъ, но, пользуясь свободою, находился одно время въ лагерь турецкой арміи, а впоследствии уже, при явномъ разрывѣ, отпущенъ былъ въ Россію. Это фактъ весьма знаменательный. Надѣясь сохранить миръ, Порты, тѣмъ не менѣе, была въ весьма незавидномъ положеніи. Такъ, крымцы, представляя всю опасность со стороны Россіи, требовали немедленной помощи, угрожая въ противномъ случаѣ отыскать защитника по надежнѣе, большія же приготовленія на русской границѣ очевидно не вязались съ мирными завѣреніями. И Порты поневолѣ стала вооружаться, но медленно, безъ всякаго шума и озлобленія въ народъ противъ Россіи; самыя же вооруженія имѣли характеръ чисто оборонительный. Хотя резидентъ нашъ Вешняковъ и доносилъ, что въ Царьградѣ опредѣлили, смотря по движеніямъ русскихъ войскъ, собрать со 110 т. и, раздѣливъ ихъ на четыре части, послать въ Хотинъ, Бендеры, Очаковъ и Азовъ, оставя отрядъ въ видѣ резерва при Бабадагѣ,² но это были одни предположенія, при томъ не скоро выполнимыя. Не заслуживали особеннаго вниманія и показанія рейтара, привезшаго въ Кіевъ, въ началѣ января, письмо отъ Вешнякова. Рейтареъ объявлялъ, что видѣлъ въ Бабадагѣ 8 полковъ янчаръ, и что разными артелями янчары слѣдуютъ къ Очакову и Азову, а татарскія орды къ походу готовятся.³ Впоследствии, событія вовсе не подтвердили такихъ быстрыхъ рѣшеній Порты. Напротивъ, даже во время осады Азова, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, турецкіе правители еще разглашали народу, что татары раздражали Россію вопреки султанскимъ указамъ, что Азовъ мѣсто ничтожное, которое и охранять по отдаленности трудно.

Какъ видимъ, все это очень облегчало наши намѣренія, а онѣ не были сложны. Предполагалось, сосредоточенными на турецкой и татарской границахъ войсками, произвести двѣ экспедиціи. Одна подъ названіемъ „Днѣпровской“ назначалась для покоренія Крымскаго полуострова, другая—„Донская“ направлялась къ Азову.

„По самой первой травѣ“, дописалъ Минихъ Императрицѣ⁴ „съ начала апрѣля, объ экспедиціи за помощью Божіею, воспріять имѣя Непріятельскіе силы раздѣлить намѣренъ такъ, чтобъ до прибытія артиллеріи и до произведенія Крымской экспедиціи Азовъ въ блокадѣ содержать можно было. Ради Азовской блокады“, читаетъ тамъ же, „намѣреніе мое имѣется, въ предбудущемъ февралѣ, съ Дону, съ г. Левашовымъ и съ прочимъ генералитетомъ, который на томъ флангѣ обрѣтается, свиданіе имѣть и по общему согласію къ той операціи такое надлежащее опредѣленіе учинить, какъ Вы сочайшее намѣреніе Вашего Императорскаго Величества требуетъ. А по учиненіи того опредѣленія, въ мартѣ мѣсяцѣ, пакы къ Днѣпру отираваюсь, для произведенія въ апрѣлѣ Днѣпровской экспедиціи. Коль скоро же экспедиція по Днѣпру счастливо произведена будетъ,“ сказано въ репортиціи генералитету и полкамъ⁵, „а конъюнктуры допустить могутъ, то можно нѣкоторую часть полковъ къ Донской экспедиціи для вящаго обнадеживанія оной употребить.“ Задача наша на лѣвомъ флангѣ, такимъ образомъ, заключалась предварительно въ содержаніи въ тѣсной блокадѣ Азова, взять который рассчитывали лишь послѣ окончанія дѣлъ въ Крыму. Сообразно принятымъ рѣшеніямъ послѣдовало и распредѣленіе войскъ въ объ экспедиціи: насколько въ Донской—преобладала пѣхота и артиллерія, на столько въ Днѣпровской—кавалерія.⁶ Расчеты эти однакожь страдали однимъ крупнымъ недостаткомъ—они не основывались на положительныхъ свѣдѣніяхъ о противникѣ. Такъ, имѣя Азовъ чуть ли не на самой границѣ, мы ужъ слишкомъ преувеличивали силу и значеніе гарнизона и верховъ крѣпости, а это привело въ самомъ началѣ къ вовсе не желательнымъ измѣненіямъ въ начертанномъ планѣ кампаніи. Начальство надъ Донской экспедиціей поручено генералъ-фельдмаршалу Ласси, Днѣпровская—подчинена фельдмаршалу Миниху, который временно, до прибытія Ласси изъ Рейнскаго похода, распоряжался дѣлами обѣихъ экспедицій.⁷

Нечего говорить, что распоряженія эти, въ особенности по подготовкѣ экспедицій, носили энергичный, свойственный Миниху характеръ. Напрасно однакожь старались бы мы разьяснить детали этихъ распоряженій, дабы по нимъ судить о состояніи Рязанскаго

полка и о дѣятельности его до начала похода, въ первые три мѣ-
снца 1736 года. Интриги и пререканія между генералами ино-
земцами, взаимныя обвиненія и допросы, такъ затемняютъ дѣло,
что положительно въ настоящее время трудно опредѣлить—чье
донесеніе вѣрнѣе, положительнѣе. Минихъ упрекаетъ Ласси, Де-
бриля, Шаховского, Тараканова и другихъ; въ свою очередь, всѣ
они малѣйшую неудачу и оплошность ставятъ въ вину Миниху.
Единственно вѣрнымъ мѣриломъ положенія могутъ служить, та-
кимъ образомъ, только окончательные результаты похода, а были
они, какъ увидимъ, весьма неважныя. Возьмемъ, хотя бы, во-
просъ о продовольствіи. Въ диспозиціи „объ учрежденіи магазей-
новъ и пополненіи ихъ провіантомъ“ значитъ, что въ крѣпости
Св. Анны, до апрѣля м-ца, должно было быть доставлено 20 т.
четвертей муки съ надлежащимъ количествомъ крупы и соли.⁸
Между тѣмъ, изъ донесеній Миниха видно, что въ началѣ марта
въ крѣпости Св. Анны не было ни одного куля муки въ запасѣ,
и солдаты, не выстуная еще въ походъ, уже употребляли въ пищу
2-хъ мѣсячный сухарный запасъ.⁹ Иначе говоря, суровую зиму
полкъ провелъ, что называется, въ проголодь. Оставляя въ сто-
ронѣ оправданія лицъ завѣдывающихъ продовольствіемъ и прини-
сывающихъ подобное донесеніе злѣбъ Миниха, не можемъ однако
обойти молчаніемъ письма его Императрицѣ, посланнаго два года
спустя, когда вопросъ о продовольствіи возникъ вновь по другому
случаю. „Когда въ 1736 г.“, писалъ Минихъ,¹⁰ „отправляясь для
осады Азова, я пріѣхалъ въ крѣпость Св. Анны, то въ тамошнихъ
магазинахъ не нашелъ ни одного куля муки; солдаты помирали
съ голоду, и мнѣ не съ чѣмъ было двинуться подъ Азовъ. Дѣ-
лать нечего. Принялъ я комиссаріатскую должность на себя и ра-
зослалъ офицеровъ по Дону и Донцу. Припасы были собраны, и я
получилъ возможность двинуться къ Азову и положить начало
осадѣ.“ Въ письмѣ этомъ, на доносы враговъ, слышны ноты
оскорбленнаго самолюбія фельдмаршала—оно и вышло слишкомъ
мрачнымъ.

Минихъ преувеличивалъ свои заслуги. Войска Придонской
экспедиціи находились въ болѣе лучшихъ условіяхъ нежели ихъ
товарищи, назначенные для похода въ Крымъ. Вскрытіе отъ льда

р. Дона, начавшееся въ мартѣ, дало возможность скоро пополнить магазины и Рязанцы, оперирующіе все время по этой рѣкѣ, наврядъ ли могли сильно нуждаться въ провіантѣ. Гораздо хуже пожалуй, было съ мундирной одеждою. Коммисаріатъ для снабженія одеждою указалъ кіевскіе склады, но имѣвшіеся тамъ запасы оказались до такой степени негодными, что пришлось просить о строгомъ внушеніи коммисаріату его перядивости, а за указанными по табелямъ мундирными и аммуничными вещами послать пріемщика офицера въ Москву.¹¹ Вслѣдствіе такой задержки, мундирная одежда въ половинѣ февраля, т. е. ровно за мѣсяць до выступленія въ походъ, доставлена еще не была. Какъ разъ, въ это же время, послѣдовало представленіе въ Военную Коллегію объ укомплектованіи полковъ рекрутами.¹² Сличая по времени это представленіе съ извѣстною намъ вѣдомостью о состояніи людей въ Рязанскомъ полку къ 1-му января,¹³ придемъ къ заключенію, что до марта мѣсяца некомплектъ въ 190 человекъ еще пополненъ не былъ. Такое упущеніе Военной Коллегіи Минихъ устранилъ приказаніемъ— „добрать слѣдующее по расчету число рекрутъ изъ гарнизоновъ, которые въ прошломъ году снабжены были добрыми рекрутами.“¹⁴ Конечно, полкъ отъ этого много выигрывалъ, получая, вмѣсто сырого матеріала, людей ознакомленныхъ уже съ требованіями военной службы.

Вообще, по личному составу, выступавшій подъ Азовъ Рязанскій полкъ надо считать безупречнымъ. Всѣ люди обучены, а, главное, пятилѣтней стоянкою вполне подготовлены къ особенностямъ жизни въ стѣняхъ. Элементъ негодный для похода, какъ то: слабые, дряхлые и одержимые неизлѣчимыми болѣзнями были тщательно пересмотрѣны. Оказавшіеся таковыми, нижніе чины отправлялись въ гарнизоны, а штабъ и оберъ-офицеры, „для учненія имъ подлинной отставки и для опредѣленія къ штатскимъ дѣламъ“, отсылались въ С.-Петербургъ, въ Государственную Военную Коллегію. Въ такомъ положеніи у насъ очутился одинъ только аудиторъ, Степанъ Кадовской. А было оно не завидное. „Изъ опредѣленныхъ къ оставкѣ оберъ-офицеровъ многіе такъ немощи“, доносилъ Минихъ,¹⁵ „что безъ крайняго разоренія въ С.-Петербургъ идти не могутъ; а до полученія объ оныхъ изъ

Военной Коллегии указа, опредѣленнымъ на ихъ мѣсто, жалованія производить не можно.“

Кромѣ опредѣленныхъ въ отставку, изъ полковыхъ списковъ выключены по разнымъ причинамъ: капитанъ, Лавръ Колодничевъ; поручикъ, Василій Карачевъ; подпоручикъ, Селиверстъ Уваровъ и прапорщикъ, Петръ Свѣчевъ.¹⁶ Всѣ они почти, занимая вакансіи, не прибывали въ полкъ со времени зачисленія, тормозя производство. Такая убыль, вмѣстѣ съ переведенными въ Куринскій и Казанскій полки подпоручиками—Сладовскимъ, Хотинцовымъ, Кривоносковымъ и прапорщикомъ Челищевымъ, дала девять вакантныхъ мѣстъ, изъ которыхъ половина замѣщена была производствомъ сержантовъ своего же полка.¹⁷ Вновь прибыло только два офицера—изъ Выборгскаго полка капитанъ, Желѣбужскій и изъ Азовскаго подпоручикъ, Селивановъ.¹⁸ Такимъ образомъ, былъ пополненъ и освѣженъ офицерскій составъ. Замѣтимъ, что перемены такія въ самомъ началѣ открытія военныхъ дѣйствій не могли быть ощутительны для полка, ибо каснулись только младшихъ его чиновъ. Старшіе же всѣ остались на мѣстахъ, хотя служба многихъ изъ нихъ перешла даже за 30 лѣтъ. Такъ, не говори уже про полковую штабъ, всѣ безъ исключенія ротные командиры были служаки петровскихъ временъ, участники Великой Сѣверной войны въ самомъ ея началѣ. Патріархомъ же между нами считался, хотя и старый, но полный опыта и жизни, командиръ 2-й роты, капитанъ, Робертъ.¹⁹ Изъ 13 младшихъ офицеровъ въ ротахъ—девять начали службу въ періодъ съ 1705 по 1718 годъ, три—съ 1724 по 1728 г. и, наконецъ, самымъ молодымъ числился, прибывшій въ полкъ въ 1733 году, пруссакъ, поручикъ, Иоганъ фонъ Фокъ.²⁰

Весна 1736 года началась очень рано. Въ концѣ февраля вскрылись рѣки отъ льда, а въ началѣ марта степи зазеленѣли травой. Въ полку послѣшно приводилось въ исполненіе послѣднее приказаніе о заготовленіи пикинерскихъ кольевъ и пикъ къ нимъ.²¹ Имѣются также данные и о частномъ перевооруженіи, или вѣрнѣе замѣнѣ старыхъ негодныхъ ружей новыми съ мѣднымъ приборомъ.²² Ружей такихъ, купленныхъ въ Саксоніи, доставлено въ армію свыше 3 т.; поступила ли изъ нихъ хотя часть къ намъ

въ полкъ—свѣдѣній нѣтъ. Извѣстно только, что ружья эти отданы были въ полки, а отобранныя старыя, но еще годныя, переданы въ Ландмилицію.²³

Въ первыхъ числахъ марта Рязанцы были совершенно готовы двинуться по указанію, а 9-го числа генералъ-фельдмаршалъ Минихъ прибылъ въ крѣпость Св. Анны.²⁴ Предположенія о начатіи блокады Азова въ февралѣ, какъ видимъ, не оправдались. Но, вскорѣ, послѣдовали и болѣе крупныя измѣненія въ сдѣланныхъ предначертаніяхъ. Такъ, посланный для рекогносцировки, инженерный прапорщикъ Малыгинъ донесъ, что каланчи у Азова въ плохомъ состояніи, что гарнизонъ, какъ ихъ, такъ и крѣпости, слабъ, всего 2 т. янчаръ и 1 т. татаръ.²⁵ Въ виду такихъ донесеній, и дабы предупредить „сигурсъ“, рѣшеніемъ военнаго совѣта, 10-го марта, постановлено выступить по тракту къ Азову 16-го числа и, дѣлая незначительные переходы, отъ 10—15 вер., въ ночь на 18-ое марта у каланчей, взять ихъ и обложить юсть, разсѣявъ предварительно и отбросивъ за Кубань татарскій орду, кочующую подъ стѣнами Азова.²⁶ Дальнѣйшее назначеніе за кубанскими татарами поручалось 4 т. донскихъ казакамъ, старшины Краснощекова, которому повелѣно соединиться съ калмыками Дондукъ-Омбо.²⁷

Азовъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Дона, въ 12 верстахъ отъ впаденія этой рѣки въ море. Крѣпость построена на мѣстѣ древняго греческаго города Танаиса, существовавшаго уже въ IV вѣкѣ до Р. Х., и генуэзской Тани, разрушенной въ 1395 году Тамерланомъ. Въ 1471 году турки обратили Тану въ укрѣпленный городъ подъ именемъ Азова. Въ XVII столѣтіи Азовъ находился нѣкоторое время во власти казаковъ. Взять въ 1692 году Петромъ Великимъ, по Прутскому договору, въ 1711 году, былъ уступленъ Турціи.²⁸ Рязанцамъ, такимъ образомъ, впервые послѣ злополучнаго Прутскаго похода, предстояло здѣсь, на этомъ историческомъ мѣстѣ, повидаться со старыми знакомыми, турками, и свести счеты за 1711 годъ. Въ рядахъ ихъ находились еще свидѣтели участника происшедшихъ 25 лѣтъ тому назадъ событий,²⁹ а это служило достаточнымъ ручательствомъ, что Рязан-

ская молодежь не отстанетъ отъ преданій славной старины, достойно отомститъ за павшихъ на берегахъ Прута товарищей.

Послѣднія, такъ сказать, минуты посвящены были устройству переправы черезъ Донъ, для перехода на Азовскую сторону, а 16-го марта, Рязанцы, оставивъ тяжести и рогатки, продвинулись отъ крѣпости Св. Анны впередъ на 13 верстъ.³⁰

Съ мѣстами, столь не гостепрѣмно привившими насъ, разставался полкъ навсегда. Изчезло нынѣ даже самое названіе крѣпости Св. Анны, но не изчезнетъ оно никогда въ преданіяхъ Рязанцевъ. Печальное было наше тамъ прибытіе, похоронами сопровождаемое выступленіе. 13-го марта, на переправѣ у крѣпости, утонулъ мушкетеръ 8-й роты, Егоръ Сималовъ³¹— послѣдняя дань злополучному мѣсту, первая жертва открывающейся кампаніи.

17-го марта полкъ продолжалъ движеніе. Пройдя не болѣе 13 верстъ, Рязанцы принуждены были за сильной бурей остановиться противъ Черкаска, древней и главной станицы войска Донского. Стоявшая до того прекрасная погода вдругъ рѣзко измѣнилась. При сильной стужѣ пошелъ снѣгъ и, назначенную на 8-го марта, атаку каланчей пришлось отложить поневолѣ.³²

На другой день войска были уже на турецкой территоріи, соединившись у самой границы съ донскими казаками атамана Краснощечкова. Передъ нами, на берегу Дона, преграждая дорогу къ Азову со стороны рѣки, находились два незначительныхъ укрѣпленія, называемые у турокъ каланчами. Въ ночь съ 19-го на 20-го марта, сборная команда, изъ 500 чел. пѣхоты и 1200 чел. донцовъ, подъ начальствомъ г.-м. Сперрейтера, приступила къ атакѣ каланчей. Съ развѣтомъ одно укрѣпленіе взято штыками безъ всякихъ съ нашей стороны потерь, начальствовавшій же въ другой каланчѣ ага, видя невозможность сопротивленія, послѣ нѣкотораго раздумія, положилъ оружіе и съ защитниками укрѣпленія, япчарами, свободно отпущенъ въ Азовъ.³³ У каланчей построили маленькій редутъ на 74 чел. (24 гренадеръ и 50 мушкетеръ), а самые каланчи заняты двумя ротами при 24 гренадерахъ.³⁴ Такъ легко очищенъ былъ путь по Дону, до самой крѣпости

Открылось беспрепятственное и удобное сообщеніе для подвоза осадныхъ припасовъ, а въ особенности провіанта, въ которомъ сильно нуждался отрядъ. Въ этотъ же день, 20-го марта, при дальнѣйшемъ наступленіи, занятъ былъ Скопинскій окопъ, ретрапшаментъ, построенный еще Петромъ I, и къ ночи раскинули Рязанцы лагерь подъ Азовомъ.³⁵ Осада началась. Принявъ съ самаго начала строго оборонительное положеніе, турки и теперь, въ виду русскаго войска, ничѣмъ не выказывали особенной дѣятельности. Можетъ быть ожидали штурма, увѣренные въ успѣхъ, надѣясь на силу крѣпостныхъ верковъ. Но штурма, конечно, не послѣдовала. За то на разсвѣтъ 21-го числа турки могли любоваться длинными линіями нашихъ рабочихъ, усердно обносившихъ лагерь шанцами. Съ крѣпости посыпался цѣлый дождь ядеръ, впрочемъ, безъ большого для насъ урона. Рязанцы потеряли только одного мушкетера I-й роты, Ивана Субботина.³⁶ Укрѣпившись на занятой позиціи, надлежало еще, до начала правильной осады, обезопасить себя со стороны моря—взять небольшой укрѣпленный замокъ Лютикъ. Задача эта, порученная опять тому же генералу Сперрейтеру съ сборною командою, разрѣшена была 23-го марта успѣшно. Лютикъ сдался; въ немъ положили оружье: ага и 50 янчаръ; 2 знамени и 20 орудій составили первые трофеи кампаніи.³⁷ Потери наши показаны общей цифрою на всю команду и не превышали 15 ч. раненыхъ.³⁸ Теперь только, тщательно обрекогносцировавъ крѣпость въ теченіе 25-го марта, Минихъ далъ окончательныя указанія для веденія осады, а самъ, поручивъ команду подъ Азовомъ г.-л. Левашеву, отправился къ Днѣпровской экспедицію.³⁹

Повсюду воздвигались батареи, вооружались, доставляемыми изъ крѣпости Св. Анны орудіями, преимущественно 6 и 12 фут. калибра. Работа не прекращалась даже ночью, и въ день отъѣзда фельдмаршала, 26-го марта, первая бомба, брошенная изъ мортирной батареи, разорвалась въ Азовѣ.⁴⁰ Оставленная Минихомъ инструкція заключалась въ предписаніи: бросать ежедневно до 100 бомбъ въ крѣпость и сближаться съ ней подступами; для безопаснаго же сообщенія лагеря съ Скопинскою пристанью на ону построить по тракту, ведущему туда, редутъ. Скопинская

Пристань имѣла для насъ первостепенное значеніе. Туда сплавлялись съ верховьевъ рѣки всѣ нужные припасы, она же была послѣднимъ передъ Азовомъ этапнымъ пунктомъ, куда направлялись прибывающіе изъ Россіи на подкрѣпленіе отряды войскъ. Весь день 27-го марта прошелъ въ поспѣшной постройкѣ редута и въ устройствѣ ходовъ сообщеній между лагеремъ и каланчанами.⁴¹ Въ послѣдующіе затѣмъ дни, вплоть до 1-го апрѣля, подобныя же велись работы, а стояли онѣ полку одного мушкетера 1-й роты, Семена Безпалаго, убитаго 29-го марта.⁴²

Имѣла ли однако какіе либо шансы на скорый успѣхъ, такъ успѣшно начатая осада? Отвѣтить на это можно только отрицательно. Подъ Азовомъ мы составляли не экспедиціонный корпусъ, — а передовую его часть, авангардъ, слишкомъ малочисленный для рѣшительныхъ дѣйствій.⁴³ Главныя силы собирались лишь по Дону и готовились къ посадкѣ на суда, которыхъ, въ добавокъ, было очень немного. Ради этихъ же причинъ замедлялась и доставка осадной артиллеріи. Необходимо, наконецъ, принять во вниманіе, что и генералъ Левашевъ считался лишь временно нашимъ начальникомъ и руководителемъ осады; онъ весь находился въ ожиданіи прибытія фельдмаршала Ласси, что не мало вліяло на ходъ осадныхъ работъ. Странными поэтому кажутся донесенія Миниха Императрицѣ за апрѣль м-ць, въ которыхъ онъ сообщаетъ, что Азовъ кругомъ, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою осажденъ. Мало основательными были и пожеланія его, дабы турки побольше къ Азову войскъ отправили и тѣмъ облегчили бы Крымскую экспедицію.⁴⁴ Осада Азова въ апрѣлѣ далеко не была полная, а съ моря, въ строгомъ смыслѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи, и не велась вовсе. Прибытіе же значительныхъ силъ турокъ на выручку могло поставить въ немалое затрудненіе нашъ слабый отрядъ. „Крѣпко надѣюсь“, писалъ Минихъ, „что сопротивленіе Азова не можетъ продолжаться далѣе 10—15 мая“, и тутъ же, развивая дальнѣйшій, но уже измѣненный въ деталяхъ планъ кампаніи, говоритъ: „тогда г. Ласси оставитъ въ Азовѣ и крѣпости Св. Анны гарнизоны, а самъ, съ прочими войсками, идетъ прямѣйшимъ путемъ, какъ можно скорѣе, въ Крымъ, раздѣляясь на три колонны, и у Перекопа будетъ 25 іюня“. „Хорошо будетъ“, продолжаетъ

Минихъ, „если по взятіи Азова посадить вѣсколько тысячъ на суда и сбѣлать десантъ въ Крымъ“.⁴⁵ Выходило, такимъ образомъ, теперь, что не намъ ждать изъ Крыма подкрѣпленій, а, наоборотъ, самимъ туда двигаться. Но какъ прежніе, такъ и теперешніе расчеты, не будучи основаны на положительныхъ данныхъ обстановки, не оправдались. Весь апрѣль провели Рязанцы подъ крѣпостью въ ожиданіи подкрѣпленій, провіанта, артиллеріи и рѣчной флотилии. Осадныя работы, хотя и медленно, велись безъ всякихъ для полка потерь, а насколько успѣли подвинуться лучше всего разъяснить событія, происшедшія послѣ приѣзда фельдмаршала Ласси подъ Азовъ.

Выѣхавъ изъ Вѣны 11-го марта, Ласси уже 16-го апрѣля встрѣтился въ Цариченкѣ съ Минихомъ и послѣ совѣщанія отправился въ дальнѣйшій путь на Изюмъ. При переѣздѣ отъ крѣпости Бузовой 21-го апрѣля фельдмаршалъ подвергся нападению татарской шайки и самъ еле спасся, ускакавъ обратно въ крѣпость на ландмилицкой лошади. 20 человекъ конвоя, да шарвахъ съ бауломъ и сундукомъ, въ которомъ была серебряная посуда, достались въ руки татаръ.⁴⁶ Продолжая дальнѣйшій путь, но уже внутри оборонительной линіи, Ласси 31-го апрѣля прибылъ въ крѣпость Св. Анны, а 3-го мая встрѣтили мы его въ лагерѣ подъ Азовомъ.

„Артиллерія съ судовъ къ Скопинской пристани еще не выгружена. Флоту къ каланчамъ проѣзду нѣтъ“, вотъ что отмѣчено въ журналѣ о воинскихъ операціяхъ въ первый же день прибытія нашего начальника, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемаго. Ознакомившись въ общихъ чертахъ съ расположеніемъ крѣпости и произведенными осадными работами, 6-го мая фельдмаршалъ произвелъ смотръ. Видно не хорошее впечатлѣніе по наружному виду произвели мы на него. „На солдатахъ мундиры весьма изношены,“ читаемъ въ журналѣ, „а многіе, за нечаею на нынѣшній годъ, безъ обуви. Въ провіантѣ объявленъ великій недостатокъ, и по слѣдствію находилось, изъ прибывшихъ на бударахъ, за срокомъ, по пяти, по шести и по семи дней не получали, а довольствовались съ недостаткомъ покупнымъ. Рекруты безъ обуви и мундира, и многіе безъ ружей, а у другихъ солдатъ за

разными поврежденіями не дѣйствительны, а перемѣнить нечѣмъ. Для печенія въ дровахъ несутъ крайнюю нужду и затѣмъ въ провіантъ достаточно исправиться не могутъ“. ⁴⁷ Все, какъ видимъ, мало утѣшительныя свѣдѣнія, не предсказывающія окончанія осады къ намѣченному сроку. На состоявшемся въ тотъ же день совѣтѣ, постановлено: „до прибытія Достальныхъ полковъ и командъ производить только первыя потребныя работы, какъ исправленіе и приведеніе въ оборонительное состояніе циркумъ и контръ-валяціонныхъ линій, постройку редута и батареи въ устьѣ рѣки Дона, для пересѣченія съ моря неприятельскаго сикурса“. Атаку Азова рѣшено вести съ двухъ сторонъ: одну—дѣйствительную, противъ бастиона Петра Великаго, ниже крепости; другую—демонстративную, „фосъ атаку,“ по рѣкѣ Дону, выше Азова, противъ Алексѣевскаго кронверка. Недостатокъ строевыхъ солдатъ заставилъ назначать для работъ по возможности казаковъ съ прикрытіемъ отъ пѣхоты. Дстойно вниманія, что за прилежную работу обѣщаны были солдатамъ „заработные деньги“. Обстоятельство это имѣло немаловажное значеніе, ибо полки не получали жалованія еще за январскую треть. Впрочемъ, фельдмаршалъ распорядился удовлетворить жалованіемъ немедленно, „а буде въ какихъ полкахъ на тѣ дачи денегъ не имѣется, въ тѣхъ выдать заимобразно изъ другихъ полковъ, въ коихъ за раздачею будутъ излишніи.“ ⁴⁸ Вслѣдъ за жалованіемъ послѣдовалъ приказъ выдать въ роты провіантъ на фуражъ, заняться печеніемъ хлѣбовъ и сухарей, употребивъ на дрова негодныя будары. Какъ видимъ, распоряженія фельдмаршала съ первыхъ же дней клонятся къ улучшенію быта солдата, что не особенно до него соблюдалось,—и къ исправленію упущеній и недосмотровъ прошлаго командованія. Такъ напримѣръ, лагерное наше расположеніе находилось подъ самымъ дѣйствительнымъ огнемъ турокъ. Вслѣдствіе пассивности неприятеля и вялыхъ нашихъ дѣйствій это не было ощутительно; теперь же, при энергичномъ веденіи осады, надлежало ожидать совсѣмъ другого.

Въ теченіи 7—8-го мая, подъ прикрытіемъ гренадеръ отъ всѣхъ полковъ, выбраны болѣе безопасныя и удобныя мѣста для

лагерей, куда, послѣ устройства ихъ полковыми квартирмистрами и фурьерами, имѣли перейти войска.

Большія передвиженія не ушли вниманія турокъ и 8-го числа до 800 чел. конныхъ и пѣшихъ янчаръ жестоко ударили на прикрытіе. Но наша команда стояла „зѣло крѣико“ и янчары припуждены были ретироваться „паки въ городъ съ не малымъ урономъ“.⁴⁹ Рязанцы потеряли здѣсь 4 гренадеръ ранеными. Первѣе столкновение на глазахъ фельдмаршала вызвало въ этотъ же день слѣдующій приказъ при паролѣ:⁵⁰ „командированнымъ на работы имѣть при себѣ ружья, а во время произвожденія работъ класть близъ оныхъ работъ, въ пристойныхъ мѣстахъ, а какъ скоро учивена вылазка, тогда, оставя работы, быть въ ружьѣ. Егда же случится изъ Азова къ нашимъ шанцамъ и батареямъ вылазка, тогда, стоящимъ на пикетахъ съ командами офицерамъ, не ожидая приказа, слѣдовать для сикурсу къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ вылазка учинится, немедленно. И ежели случится съ непріателемъ дѣло, офицерамъ и рядовымъ стоять до послѣдняго человѣка; а ежели кои офицеры и урядники поступятъ съ отмѣшностью противъ прочихъ храбро, повышены будутъ чиномъ, а рядовые деньгами. Напротивъ же того, ежели кто явится въ томъ оплошенъ и неисправенъ, таковые штабъ и оберъ-офицеры лишены будутъ чиновъ и преданы военному суду, а рядовые казнены будутъ смертью“.

Между тѣмъ, осадныя работы безостановочно продолжались, возводились новые редуты, батареи, уширялись рвы, валганги и насыпи. Въ ночь на 9-го мая построили Рязанцы первую параллель отъ редутовъ къ валу длиною 350 шаговъ, а къ 8 часамъ утра со стороны каланчей показались на Дону первыя галеры флотилии контръ-адмирала Бредаля.⁵¹ Это обозначало близость подкрѣпленій, и начало конца осады. Такъ всѣ и думали. Но немало еще предстояло трудовъ. 10-го мая получились извѣстія, что 40 турецкихъ галеръ прибыли въ Тамань и намѣрены идти на выручку къ Азову. Тревога оказалась фальшивою, но вызвала усиленную днемъ и ночью работу по возведенію циркумвалаціонной линіи.

Погода, между тѣмъ, стояла все время прекрасная, но жаркая и знойная, смѣняясь иногда по ночамъ проливными дождями. Съ половины мая температура достигала уже 35—40°, въ виду чего разрѣшено начинать работы только съ 4-хъ часовъ пополудни и кончать ихъ въ 11 часовъ ночи. Остальное время войска отдыхали, относительно конечно, ибо исправленіе путей, устройство и починка мостовъ, выгрузка съ бударь провіанта и артиллеріи не прекращались. Къ такимъ занятіямъ теперь привлекались не только уже казаки, но и солдаты, а даже и габоисты.⁵² Изъ распоряженій внутренняго характера слѣдуетъ отмѣтить приказъ, чтобы отобранныя отъ солдатъ шпаги раздать людямъ по прежнему, немедленно, а имѣющимся при полку безоружнымъ рядовымъ и рекрутамъ выдать ружья больныхъ, а въ крайности и пики.⁵³

Настойчивость и энергію новаго начальника замѣтили наконецъ и апатичныя до того турки. Выдержавъ въ теченіи 15-го мая необыкновенную по силѣ огня бомбардировку, когда свыше 600 ядеръ брошено въ Азовъ, они, на слѣдующій же день, около 3-хъ часовъ пополудни, яростно бросились изъ за палисадника на наши работы. Нападеніе произведено было такъ стремительно, что передовые пикеты не могли задержать янчаръ и подались назадъ шаговъ на 30. Но по всему лагерю гремѣлъ уже сигналъ тревоги. Спѣшили резервы. Самъ фельдмаршалъ явился на мѣсто боя и турки отброшены въ палисадникъ.⁵⁴ Сильная пушечная и ружейная пальба съ обѣихъ сторонъ продолжалась до заката солнца. Когда совершенно смерклось, немедленно же, на мѣстѣ боя, принялись мы за возведеніе новой батареи, отъ города въ 600 шагахъ. Весь уронъ непродолжительнаго дѣла заключался преимущественно въ раненыхъ (191 ч.). Въ числѣ 16 чел. убитыхъ нижнихъ чиновъ находимъ мушкетера 1-й роты нашего полка, Григорія Дружинина.⁵⁵ Отличье и распорядительность въ траншеяхъ прапорщика Ивана Носкова доставили ему чинъ подпоручика.

Слѣдя за ходомъ все болѣе и болѣе развивающейся осады, замѣчаемъ, что къ концу мая ежедневный расходъ людей для занятія батарей, шанцевъ, апрошей и редутовъ достигалъ свыше 2 т. человекъ. Гарнизонъ редутовъ состоялъ изъ 30—60 ч., начальниками ихъ были не только оберъ-офицеры, но даже

сержанты и капралы. Несмотря на частыя, почти ежедневно прибывавшія подкрѣпленія, то малыми частями, то даже цѣлыми полками, недостатокъ людей давалъ себѣ чувствовать; явленіе это слѣдуетъ объяснить съ одной стороны тѣмъ, что подкрѣпленія прибывали часто безъ оружья, съ другой—большимъ расходомъ для услуженія къ начальствующимъ лицамъ. Последнее вызвало даже особый приказъ, объявленный при паролѣ, коимъ строго подтверждалось офицерамъ „отнюдь солдатъ въ свои услуги не употреблять, а буде случится, то солдатамъ доложить объ этомъ,— за каковой доносъ въ награжденіе получать будутъ по 1 рублю.“⁵⁶ Приемъ пресѣченія зла, какъ видимъ, весьма своеобразный, затрагивающій основы дисциплины. Но что же оставалось дѣлать? Въ полкахъ было много черемисовъ, чувашей и другихъ магометанъ поволжскихъ губерній, людей ненадежныхъ, которые не переставали дезертировать въ Азовъ, ослабляя ряды. Дошло до того, что всѣхъ ихъ пришлось перевести на суда рѣчной флотиліи, взявъ въ замѣнъ оттуда „русскихъ, старыхъ и добровооруженныхъ солдатъ.“ Конечно, боевая годность флотиліи много страдала, и кто знаетъ, не было ли это отчасти причиною малой ея подвижности.

Между тѣмъ, послѣ боя 16-го мая, вплоть до іюня м-ца подъ Азовомъ ничего особеннаго не произошло. Земляныя работы производились по прежнему и, къ 31-го мая, намѣченныя къ постройкѣ батареи были готовы. Тогда, по тремъ сигнальнымъ ракетамъ, разомъ изъ всѣхъ орудій, открыто бомбардированіе. Въ теченіи цѣлаго дня огонь не ослабѣвалъ и прекратился только къ вечеру, вслѣдствіе поднявшейся бури съ проливнымъ дождемъ.

И такъ, минуло болѣе двухъ мѣсяцевъ со дня прибытія нашего подъ Азовъ, прошло нѣсколько сроковъ сдачи, возвѣщенныхъ Минихомъ, а крѣпость все оставалась въ рукахъ непріятеля. Упорство турковъ однакожь долго продолжаться не могло, а вѣрнымъ тому указателемъ были все учащающіяся вылазки. Жутко значить приходилось имъ, стѣпненнымъ кольцомъ нашихъ укрѣпленій. Рязанскому полку особенно намятны стали героическія усилія врага, въ дни предшествующіе сдачѣ.

Съ утра 3-го іюня, при рѣдкой пальбѣ изъ батарей, спокойно шла работа близъ палисадника у контръ-валяціонной линіи, какъ вдругъ, въ 9 часовъ, турки атаковали рабочихъ и сильнымъ натискомъ заняли наши передовыя позиціи. На гулъ пальбы прискакалъ, ѣхавшій въ то время неподалеку для осмотра редутовъ внизъ по Дону, фельдмаршалъ Ласси. Замѣтя опасность, Ласси немедленно приказалъ направить къ палисаднику со всѣхъ сторонъ резервы, и лично принялъ руководство боемъ.⁵⁷ Подъ жестокимъ огнемъ, тѣсной, сплоченной массой, снѣжили изъ лагеря 4, 5, и 8 роты Рязанцевъ. Безъ выстрѣла, одними только штыками, приняли они насѣдавшихъ янчаръ. Завязался кровавый рукопашный бой, въ которомъ однакожь сила и ловкость турецкаго ятагана должны были уступить передъ удалью молодца русскаго штыка. Паль во главѣ 8-й роты командиръ ея, капитанъ, Григорій Веряшевъ, ранецъ премьеръ-маіоръ, Дмитрій Сергѣевъ.⁵⁸ Но турки видимо сдаются, — еще нѣсколько мгловеній и безпорядочной толпой бѣгутъ обратно въ крѣпость. Преслѣдованіе прекратилось всего въ 25 шагахъ отъ палисадника. Засѣвъ на краю оврага, ведущаго къ р. Дону, наши открыли чуть ли не въ упоръ учащенный огонь, не подаваясь ни шагу назадъ. Грому ружейный пальбы вторили все усиливающіеся выстрѣлы осадныхъ и турецкихъ батарей. Напряженіе достигло крайнихъ предѣловъ. Наступившая ночь не прекратила боя. Между тѣмъ, раненый въ ногу фельдмаршалъ Ласси, не покидая поля сраженія, отлично видѣлъ всѣ выгоды позиціи, такъ упорно защищаемой Рязанскими молодцами. На позиціи этой приказано, что называется, подъ самымъ носомъ у турокъ, строить батарею. Работы прикрывались гренадерами, собранными отъ всѣхъ полковъ и поставленными близъ контръ-валяціонной линіи.⁵⁹ Три раза въ теченіи ночи, съ ятаганами въ рукахъ, бросались янчары на наши роты, но каждый разъ, съ урономъ, были прогоняемы. Къ утру не досчитались Рязанцы двухъ своихъ, павшихъ смертью храбрыхъ, товарищей: поручика, Ивана Соколова и командира 7-й роты, поручика, Якова Еропкина.⁶⁰ Последнимъ усиліемъ непріятеля была третья атака, произведенная около 3-хъ часовъ пополуночи, когда валъ батареи былъ уже почти готовъ. Подпустивъ турокъ всего лишь на нѣсколько шаговъ, наши предварительно изъ за

бруствера забросали ихъ гранатами, а затѣмъ открыли огонь залпами. Не выдержали огня храбрые янчары и дѣло обошлось безъ рукопашной схватки. Возшедшее вскорѣ солнце яркими лучами освѣтило интересную картину. На пространствѣ шаговъ тридцати, между палисадомъ и батареей, среди груды тѣлъ, лежалъ убитый богатырь, янчаръ, съ зеленымъ, священнымъ знаменемъ пророка въ рукахъ. Всякая попытка, какъ съ нашей, такъ и съ турецкой стороны, взять это знамя кончалась смертью смѣльчаковъ. Здѣсь били на выборъ. Но вотъ, изъ палисада машутъ намъ бѣлыми платками, подавая видъ, что желаютъ завязать переговоры. Огонь смолкъ и на площадкѣ появились два янчара парламентаря. Быстро направляясь къ намъ, они подошли къ знамени, схватили его и побѣжали обратно въ крѣпость. Попытка однако же не удалась—два мѣткихъ выстрѣла уложили мнимыхъ парламентарей. Но турки, вполнѣдствіи, все таки достали знамя, утащивъ его къ себѣ крюкомъ черезъ палисадъ.⁶¹ Дѣла 3-го и 4-го іюня были, такимъ образомъ, самыми крупными за время осады. Успѣхъ, добытый нами здѣсь, имѣлъ громадные послѣдствія; онъ подготовилъ разрывъ оборонительной линіи крѣпости, а главное, поколебалъ нравственныя силы турокъ. Но обошелся онъ не дешево Рязанцамъ. Кромѣ помянутыхъ выше офицеровъ сложили головы свои: гренадеры—3-й роты, Евсей Волковъ; 4-й роты, Андрей Глазуновъ; 5-й роты, Тимофей Таворковскій, Савелій Волковъ; 7-й роты, Харитонъ Дроздовъ, Онуфрій Шилинъ; мушкетеры—4-й роты, Михаилъ Федоровъ; 5-й роты, Василій Дубаковъ, Сергѣй Курбатовъ; 8-й роты, Акимъ Цѣпляевъ.⁶²

Въ 1-мъ часу по полуночи на 6-е число іюня турки еще разъ пробовали не удастся ли оттѣснить насъ отъ палисада. Попытка, поведенная весьма не рѣшительно, боязливо, мгновенно была отражена съ потерей у насъ убитымъ гренадера 7-й роты, Данила Сизинцова.⁶³

Въ теченіи 2-хъ дней происходили въ лагерѣ печальныя церемоніи преданія землѣ тѣлъ храбрыхъ товарищей. Вознеся горячія молитвы объ упокоеніи погибшихъ слависю смертью воиновъ, взоры присутствующихъ невольно обращались къ крѣпости,

виновницѣ столькихъ бѣдствій, требуя расплаты—и за погибшихъ друзей, и за все горе и лишенія перенесенныя подъ стѣнами ея.

Но не всегда же бывали печальныя торжества. Въ полдень 6-го іюня громъ салютаціонной пальбы возвѣстилъ о взятіи въ Крыму Минихомъ Перекопа. По этому случаю, въ присутствіи фельдмаршала состоялся парадъ войскамъ и благодарственный Господу Богу молебенъ. Сознаніе, что теперь за нами очередь порадовать Россію, что пора покончить съ разбойничьимъ гнѣздомъ Азовомъ, одинаково присуща была всѣмъ, отъ офицера до послѣдняго рядоваго. Событія же не заставили себя долго ждать и, послѣ извѣстныхъ намъ кровавыхъ дѣлъ, быстро слѣдовали одно за другимъ, приближаясь къ развязкѣ.

8-го іюня, въ 10 часовъ утра, пущенная съ нашихъ батарей бомба взорвала въ городѣ пороховой погребъ и Рязанцамъ пришлось быть свидѣтелями необыкновеннаго зрѣлища. Съ великимъ трескомъ падали строевія, рушились мечети, высокіе минареты. Среди дыма, огня и чыли видѣлись, брошенные на воздухъ, человѣческія тѣла; бревна и громадныя камни падали на далекое разстояніе, за рѣку Донъ, попадали къ намъ въ лагерь и забрасывали анпроши.⁶⁴ Катастрофа на время прекратила всякія враждебныя дѣйствія. Все застыло въ ужасѣ. Что же сказать о туркахъ? Постигшее бѣдствіе отняло у нихъ послѣднюю тѣнь энергіи. Съ тѣхъ поръ дѣятельность ихъ день ото дня слабѣетъ, наша же возрастаетъ. Съ 14-го іюня въ бомбардированіи Азова принимаютъ участіе и суда рѣчной флотиліи, выдвигаясь ежедневно по Дону отъ каланчей въ городъ, и забрасывая его ядрами. Съ 3-го іюня минерная рота усердно работаетъ надъ проведеніемъ минъ къ палисаднику. Сотни бомбъ выбрасываютъ ежедневно батареи, получая въ отвѣтъ одиночныя выстрѣлы.⁶⁵

Подъ грохотъ орудій съ батарей и прамовъ, стоящихъ на Дону, въ полдень 17-го числа, собирается въ логу близъ палисадника сборная отъ полковъ команда, всего около 1000 человѣкъ. По данному знаку, разомъ, какъ одинъ человѣкъ, поднимаются молодцы охотники. Въ секунду пройдено ничтожное разстояніе, раздѣлявшее ихъ отъ противника. Глубокій 3-хъ саж. ровъ не

остановилъ смѣльчаковъ и они уже въ палисадникѣ. Турки не пробовали сопротивляться, а взрывъ двухъ минъ былъ для насъ безвреденъ. На плечахъ янчаръ несутся храбрецы къ городу и останавливаются только у самихъ его воротъ.⁶⁶ Одна пушка и много огнестрѣльныхъ припасовъ были трофеями дѣла, обошедшаго охотникамъ всего 56 чел. убитыми и ранеными.

На другой день, 18-го іюня, около часу пополудни, въ лагерь явился турецкій посланный съ письмомъ отъ Мустафы—аги изъ Азова.⁶⁷ Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ приказъ о прекращеніи огня. Турки сдаются! раздавалось повсюду.

И дѣйствительно. Азовъ въ третій разъ приклонялся передъ силою русскаго оружья. 20-го іюня, въ 10 часовъ утра, представители турецкой арміи: Измаиль—ага, Сулейманъ—бей Магометь ага и Ахметъ—ага съ почтеніемъ поднесли фельдмаршалу на блюдѣ, въ шелковомъ, серебрянномъ платкѣ, ключи города Азова.⁶⁸ Крѣпость и городъ со всѣми боевыми и продовольственными припасами, болѣе 200 орудій достались въ наши руки. Гарнизону изъ 3643 чел. воинскихъ чиновъ, а съ ними 2233 жителей и дѣтей разрѣшенъ свободный выходъ подъ конвоемъ до перваго пограничнаго турецкаго города Азука.⁶⁹ Такъ отомщена была неудача Прутскаго похода и Рязанцы записали въ свой боевой формуляръ еще одно славное событіе.

27-го іюня, подъ знаменами, развѣвающимися на Алексѣевскомъ кронверкѣ, отслуженъ молебень и громъ салютаціонной канонады изъ крѣпости, каланчей, шанцевъ, прамовъ, галеръ и прочихъ морскихъ судовъ послѣдній разъ огласилъ пустынные окрестности Азова.⁷⁰ Около 3-хъ часовъ пополудни того же дня изъ городскихъ воротъ потянулась длинная вереница арбъ, нагруженныхъ всякой домашней рухлядью и добромъ пашей и офицеровъ. За обозомъ, среди поставленныхъ шпалерами нашихъ солдатъ, ѣхалъ сумрачный Мустафа паша, окруженный агами и янчарами. Къ вечеру, когда турки окончательно выбрались, „въ пристойныхъ мѣстахъ“ поставлены были русскіе караулы.⁷¹

Подведя итогъ 3-хъ мѣсячнымъ усиліямъ Рязанцевъ, увѣнчавшимся полнымъ успѣхомъ, видимъ, что стоили онѣ имъ убитыми

3-хъ офицеровъ и 16 нижнихъ чиновъ, ранеными 3-хъ офицеровъ и болѣе 60 чел. нижнихъ чиновъ.⁷² Такимъ образомъ, изъ всѣхъ полковъ принимавшихъ участіе въ осадѣ Азова, Рязанскій— повесъ самыя крупныя потери въ особенности въ офицерахъ.⁷³ Въ послѣднимъ слѣдуетъ еще причислить подполковника Шарфа, который, девять дней спустя послѣ сдачи крѣпости, умеръ въ лазаретѣ вслѣдствіе трудовъ и лишеній, перенесенныхъ на боевомъ полѣ.⁷⁴ И такъ, первая и главная задача была выполнена. Цѣль похода достигнута. Теперь то, по плану кампаніи, надлежало свободными полками подкрѣпить войска Дибировской экспедиціи въ Крымъ. Посмотримъ, что же тамъ происходило.

Выступивъ изъ Цариченки съ арміею 20-го апрѣля, Минихъ черезъ мѣсяць доносилъ, что онъ уже въ Крымѣ и ханъ съ огромнымъ войскомъ отброшенъ. Вскорѣ затѣмъ пала Перекопская крѣпость и, подвигаясь внутрь полуострова, русскія войска къ 17-му іюня достигли Бахчи-сарая, но дальше не пошли. Недостатокъ провіанта, ожиданіе сильныхъ жаровъ и необходимость отдыха заставили принять рѣшеніе— „приблизиться къ Дибіру и стать пока твердою ногою у Перекопа,“ что и было исполнено. Въ Петербургѣ остались однакожь такимъ рѣшеніемъ весьма недовольны и требовали возобновить нападеніе на Крымъ въ августѣ и сентябрѣ. Минихъ обѣщался ничего неупустить, дабы исполнить волю Ея Величества. И вотъ, 6-го іюля, въ Перекопской крѣпости получено извѣстіе о сдачѣ Азова. Фельдмаршалъ въ тотъ же день шлетъ на Донъ къ г. Ласси слѣдующіе пункты, касающіеся будущей дѣятельности нашего отряда. „По взятіи Азова,“ пишетъ онъ,⁷⁵ „остается намъ беречь Черное море и Дибіръ, чего ради прошу приказать:

„1) драгунскіе полки: Нижегородскій, Казанскій, Псковскій и командированныхъ отъ Московскаго, Рязанскаго, Кіевскаго и Луцкаго драгунскихъ полковъ отправить сюда, какъ можно скорѣе; 2) также послать сюда 7 пѣх. полковъ: Рязанскій, Шлюссельбургскій, Вологодскій, Вятскій, Пермскій, Выборгскій и Азовскій, укомплектовавъ ихъ...; 3) при каждомъ, какъ драгунскомъ такъ и пѣхотномъ полку, быть двумъ 3-хъ фунт. пушкамъ и имѣть, сверхъ положеннаго штата, до 2 т. нужныхъ шанцевыхъ инструментовъ;

4) войскамъ этимъ маршировать къ Перекопу прямо на Тагарокъ, на устьѣ р. Міуса и Калміуса и на Молочныя воды, потому что въ этихъ мѣстахъ не будетъ недостатка въ фуражѣ; 5) провіантомъ самъ войскамъ заготовиться на 3 мѣсяца; 6) взять нужное количество рогатокъ. Ежели не хотите притти сами съ сими войсками, то отправьте съ ними г.-л. Левашева, гр. Дугласа и г.-м. Еропкина.“ Прошло еще три дня и Минихъ, въ посланномъ въ Азовъ предписаніи, требуетъ прибытія подкрѣпленій къ Перекопу непременно къ 20-му августа.⁷⁶ Но могъ ли все это исполнить Ласси?

Собравъ наскоро два драгунскихъ полка и команду около 1 т. тѣхъ же драгунъ, фельдмаршалъ отправилъ ихъ 4-го іюля въ Крымъ. „Прочіе же“ доносилъ онъ, „а въ особенности пѣхота, за неимѣніемъ обуви и лошадей, да для отдохновенія отъ понесенныхъ трудовъ, останутся при Азовѣ.“⁷⁷ Рѣшеніе было самое правильное, ибо вело къ сбереженію войскъ, укомплектованію и снабженію ихъ. Семь линейныхъ, ослабленныхъ полковъ не могли рѣшить вопроса о покореніи Крыма, а разстроиться въ конецъ эти части могли безспорно. Рязанскій полкъ при окончаніи „Азовской атаки“ состоялъ всего изъ 13 офицеровъ, 16 ундеръ-штабныхъ чиновъ и 902 нижнихъ чиновъ; больныхъ сверхъ того числилось 103 чел. Подъемныхъ лошадей при полку, годныхъ, только 46.⁷⁸ Какъ видимъ, полкъ нашъ уменьшился болѣе чѣмъ на одну треть своего штатнаго состава.

Бѣда пожалуй была бы не велика, но дѣло усложнялось значительнымъ некомплектомъ офицеровъ. Военныя дѣйствія въ короткій промежутокъ времени произвели такіа перемѣны, что прежняго Рязанскаго полка и не узнать.⁷⁹ Лишенія, невзгоды похода подорвали здоровіе двухъ старыхъ ветерановъ, уволенныхъ въ отставку — секундъ-маіора Яковлева, пожалованнаго за отличіе въ бою слѣдующимъ чиномъ, и капитана Роберта; съ послѣднимъ, прослужившимъ въ полку безмѣнно съ 1713 года, исчезалъ типъ петровскаго Рязанца и стараго служаки конца XVII столѣтія. Кромѣ того, оставили полкъ: премьеръ-маіоръ Сергѣевъ, переведенный въ Навагинскій полкъ, командиръ 5 роты, капитанъ Крамеръ, съ производствомъ въ секундъ-маіоры въ Нарвскій полкъ и подпо-

ручикъ Дурасовъ переведенъ въ Казанскій полкъ. Свободныхъ мѣстъ, такимъ образомъ, оказалось много. Замѣщались онѣ переводомъ частью изъ другихъ полковъ, частью производствомъ своихъ же офицеровъ и сержантовъ. Вновь зачислено всего 8 офицеровъ, въ томъ числѣ: изъ Нашебургскаго полка—подполковникъ, Андрей Этонъ, изъ Бакинскаго полка—премьеръ-маіоръ Бузьма Григорьевъ и изъ капитановъ Дербентскаго полка—секундъ-маіоръ, Иванъ Граблеповъ. Произведены же въ слѣдующіе чины пять челоѣкъ, а изъ сержантовъ въ прапорщики семь. Физіономія полка слѣдовательно рѣзко измѣнилась,—по къ худшему ли? Это могло показать только будущее.

Въ теченіи всего іюля м-ца Рязанцы отдыхали, устраивались, подготавливаясь къ походу; они же, вмѣстѣ съ другими полками, разрушали около города Азова шанцы, нагружали на суда артиллерию и исправляли нужнѣйшія работы.⁸⁰ Между тѣмъ, наступилъ августъ м-ць, а съ нимъ и срокъ выступленія въ Крымъ. Откладывать походъ фельдмаршалъ Ласси счелъ не возможнымъ, хотя устройство войскъ подвинулось очень мало. Разматривая табель о состояніи Рязанскаго полка отъ 2-го августа, отправленную въ Военную Коллегію въ день выступленія съ капитаномъ Ингерманландскаго пѣх. полка Темяшевымъ,⁸¹ находимъ, что изъ списочнаго состава въ 1499 чел., исключивъ командированныхъ, больныхъ, не оправившихся еще раненыхъ (8 чел.), въ полку могло быть на лицо всѣхъ чиновъ 999 чел., т. е. почти тоже самое количество, что и въ моментъ сдачи Азова. Незначительный комплектъ въ 68 чел. особенно замѣтенъ цифрою недостающихъ строевыхъ офицеровъ (6 чел.). Увеличились значительно одиѣ только подъемныя средства полка, на 76 лошадей, безъ чего конечно полкъ не въ состояніи былъ бы тронуться въ походъ. Въ общемъ же состояніе войскъ Донской экспедиціи не позволяло выдѣлать въ Крымъ маломальски пѣльнаго отряда, пришлось прибѣгнуть къ импровизаціи. Изъ вышепоказанныхъ семи пѣхотныхъ полковъ выбрали людей лучшихъ, снабдили ихъ имуществомъ, опять таки выборомъ изъ лучшаго и, такимъ образомъ, составленный корпусъ, около 6 т. чел., раздѣлили на двѣ колонны.⁸² Въ составъ 1-й колонны, фельдмаршала Ласси, вошли, подѣ

командою подполковника Этонъ, двѣ роты Рязанцевъ, гренадеры 1-го баталіона Рязанскаго полка, и 6 артиллерійскихъ служителей всего 364 чел. 2-я колонна, г.-м. Еропкина, состояла изъ двухъ ротъ Рязанскаго полка и 6 артиллерійскихъ служителей, подъ командою секундъ-маіора Грабленова, всего 275 чел. Ундеръштабъ и въ кадровомъ составѣ роты 2 баталіона оставлены временно въ Азовѣ съ командиромъ полка.

Въ 9 часовъ утра, 2-го августа, отслуживъ напутственный молебень, тронулась въ Крымъ первая колонна. Движеніе совершалось черезвычайно медленно. Такъ, первый переходъ отъ Азова, 20 верстъ, къ устью рѣки Мертваго Донца, пройденъ былъ въ два дня. Расположившись на горѣ, близъ рѣки, лагеремъ, роты наши простояли здѣсь до 5-ти часовъ утра 5-го августа, а затѣмъ направились по тракту на Таганрогъ, къ урочищу Саньяны.⁸³ Походъ въ степяхъ, при хорошей ключевой водѣ и изобиліи конскихъ кормовъ, не могъ быть названъ утомительнымъ, еслибы не полное отсутствіе топлива. Какъ справлялись съ этимъ недостаткомъ? Выдавалась ли горячая пища? Свѣдѣній нѣтъ. Но, за каждый день движенія, въ журналѣ встречаемъ отмѣтки:— „дровъ не было“, „лѣсу не было.“ Особенно тяжелымъ былъ переходъ 6-го августа, до урочища Асланбекъ. Выступивъ въ 5 часовъ утра, колонна только къ 10 часамъ прибыла на рѣку Чулигъ, откуда, послѣ незначительнаго отдыха, свернула къ берегамъ Азовскаго моря, на переправу Чечиле. Только въ полночь достигли наконецъ роты урочища, пробывъ въ пути цѣлыхъ 19 часовъ.⁸⁴

Когда, такимъ образомъ, 1-я колонна находилась въ пути уже 5 дней, 2-я колонна еле начала движеніе и, 6-го числа, переправившись черезъ Мертвый Донецъ, остановилась на дневкѣ. До сихъ поръ точно исполнялся маршрутъ, предложенный Минихомъ въ письмѣ къ Ласси отъ 6-го іюня, но при дальнѣйшемъ движеніи это оказалось невозможнымъ.

Осмотрѣвъ съ утра 8-го августа бродъ въ устьѣ р. Міуса, фельдмаршалъ нашель его неудобнымъ для переправы. „Великая вода и не малыя болота“ не позволяли даже подойти къ рѣкѣ пѣхотѣ и обозамъ. Поэтому то, снявшаяся съ лагеря еще въ 4 часа

утра, 1-я колонна направилась вверхъ по рѣкѣ Міусу, бросивъ приморскій трактъ, и въ 4 часа пополудни расположилась на ночлегъ, не переходя рѣки. Разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ тѣла убитыхъ русскихъ мужиковъ, сломанная телѣга и слѣды татарскаго стапа свидѣтельствовали о разыгравшейся здѣсь недавно кровавой драммѣ.⁸⁵ Слѣдовало на всякій случай, принять мѣры предосторожности. Между тѣмъ, когда люди устраивались для отдыха и развѣивались обозы, въ лагерь прибыло нѣсколько человекъ малороссійскихъ казаковъ съ громовыми для насъ извѣстіями. Казаки объявили, что фельдмаршалъ Миннихъ съ артиллеріею отъ Перекопа отступилъ, что Перекопъ уже занятъ нѣшими и конными татарскими ордами, и что часть войскъ съ г.-м. Шпигелемъ, слѣдуя отъ Бердянской косы, направилась къ Бахмуту, а слѣдовательно должна гдѣ нибудь находится близко насъ.⁸⁶ Проверить свѣдѣнія, такъ рѣзко измѣнявшія обстановку, немедленно были посланы къ Бахмуту казаки. Въ случаѣ правдоподобности оныхъ Ласси приказалъ: Шпигелю и атаману Краснощекову съ донскими казаками слѣдовать къ рѣкѣ Міусу, на Каменный бродъ; туда же, 9-го августа съ утра, направилась и 1-я колонна. Въ часъ пополудни Рязанцы находились уже на переправѣ. Возможность близкаго столкновенія съ татарами, какъ то сразу всѣхъ подбодрила. Апатичныя выраженія лицъ и уныніе, какъ слѣдствіе томительнаго шлепанія по степямъ, смѣнились оживленіемъ, веселымъ говоромъ и прибаутками солдатъ. Благо и каша, давно не виданная за недостаткомъ дровъ, теперь варилась въ котлахъ и громадныя костры освѣщали лагерь.⁸⁷ На Каменный бродъ, 11-го августа, въ полдень, прибыла отъ урочища Асланбекъ 2-я колонна. Между тѣмъ, посланные для розыска отряда г.-м. Шпигеля, казаки и калмыки возвратились, но съ извѣстіями ничего не разъясняющими. Ни при Бердѣ, ни по тракту къ Бахмуту, ни въ самомъ Бахмутѣ, русскихъ войскъ не оказалось. Дѣлать нечего. Пришлось продолжать движеніе. 12-го августа Рязанцы пошли вверхъ по Міусу къ Есеновскому броду, выше бывшей Крымской слободы, а 14-го числа, съ 5 часовъ пополудни, началась переправа черезъ рѣку Міусъ по мосту. Отъ переправы путь шелъ уже по тракту къ Перекопу. Но не успѣли мы продвинуться и четырехъ верстъ, какъ скачущій калмыкъ вручилъ Ласси донесеніе

г. Шпигеля—о движеніи его къ Бахмуту и объ отступленіи Миниха отъ Перекопа. Вскорѣ полученъ былъ и подлинный приказъ начальника войскъ Днѣпровской экспедиціи. „По позднему времени и возвращеніи арміи къ Днѣпру“, гласилъ онъ,⁸⁸ „назначеннымъ отъ васъ (Ласси) полкамъ маршъ отмѣняется.“ Такимъ образомъ, Минихъ не исполнилъ повелѣнія Императрицы, вторично не пошелъ въ Крымъ, къ чему обѣщался приложить всякія старанія. Еще 24-го іюля, собраннымъ имъ военнымъ совѣтомъ, постановлено: „за недостаткомъ провіанта, воды и за большими болѣзнями людей, идти къ Днѣпру, гдѣ лучший воздухъ. Перекопскую же крѣпость и каланчи до основанія разорать и подорвать.“ При такихъ условіяхъ продолжать движеніе къ Перекопу для насъ, конечно, не имѣло уже никакого смысла и фельдмаршалъ Ласси рѣшилъ идти на соединеніе съ Минихомъ къ Изюму и далѣе къ Цариченки, дабы общими силами оградить границы Россіи. Съ столь важными извѣстіями, измѣнявшими весь ходъ кампаніи, Ласси, въ тотъ же день, въ 2 часа пополудни, отправилъ курьеромъ къ Императрицѣ въ С.-Петербургъ, съ конвоемъ изъ 100 казаковъ, нашего полка премьеръ-маіора Григорова.⁸⁹ Прерванный было маршъ вновь возобновился 15-го числа движеніемъ по тракту къ рѣчкѣ Ольховаткѣ, черезъ Глухіе-Буераки, Ольхово и далѣе на Бахмутъ къ Изюму, куда Рязанскій баталіонъ прибылъ 26-го августа.⁹⁰

Въ Изюмѣ, въ ожиданіи новыхъ указовъ, стала пова вся пѣхота отряда подъ начальствомъ г.-м. Еропкина, туда же спѣшилъ изъ подъ Азова и командиръ полка съ 2-мъ баталіономъ. Походъ этотъ, за неимѣніемъ лошадей, совершался однакожь не сухимъ путемъ, а водою, на бударахъ и доведенъ былъ только до Лугани, гдѣ полковнику Лихареву, за неимѣніемъ провіанта, повелѣно было остановиться впредь до особаго приказанія.⁹¹

Неудачный исходъ Днѣпровской экспедиціи привелъ, такимъ образомъ, Рязанскій полкъ совершенно случайно въ Бахмутскую провинцію. Провинція эта съ ея соляными варницами и большимъ провіантскимъ магазиномъ въ Изюмѣ, почему то, при проведеніи Украинской укрѣпленной линіи, была обойдена и осталась совершенно открытой татарскимъ нападеніямъ. Такое упущеніе Минихъ

приписывалъ управлявшему работами на линіи генералу Дебрилю, который, по его словамъ, не будучи въ состояніи ѣздить верхомъ, самъ ничего не смотрѣлъ, а полагался болѣе на рапорты другихъ. И дѣйствительно. Получалась странная аномалія. Въ то время, когда нѣкоторыя части границы имѣли чуть ли не двойную оборону, въ богатой Бахмутской провинціи свободно разгуливали татары, грабя безнаказанно пріѣзжающихъ за солью мирныхъ жителей. Въ этихъ же мѣстахъ подвергся извѣстному намъ нападенію татаръ фельдмаршалъ Ласси, еле спасшійся за предѣлы укрѣпленной линіи. Минихъ, въ началѣ похода, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, обратилъ вниманіе на столь странное явленіе, требовалъ рабочихъ для постройки редутовъ между Донцомъ и Луганью, но, какъ его требованія превосходили предѣлы возможнаго, въ нихъ и отказали. Настойчивыя, повторительныя представленія Миниха въ Петербургѣ неизвѣстно увѣнчались ли успѣхомъ, но, во всякомъ случаѣ, по позднему времени, не могло быть сдѣлано ничего солиднаго. Теперь, при измѣнившейся столь рѣзко и не въ нашу пользу обстановкѣ, оставалась только грудью солдата прикрыть, Бахмутскіе запасы. И задача эта возложена на войска бывшей Донской экспедиціи. Въ концѣ сентября Рязанскій полкъ получилъ приказаніе занять пограничныя посты отъ Донца до Лугани.⁹² Командиръ полка съ 1-мъ баталіономъ, 50 драгунами Азовскаго полка и 20 Изюмскими казаками выставилъ посты ближе къ Изюму, т. е. правому флангу линіи, имѣя пунктомъ сосредоточенія—Ямполь и деревню Нисаревку; 2-й баталіонъ, при 40 чел. конныхъ драгунъ и казаковъ, съ подполковникомъ Этопъ, занялъ въ окрестностяхъ Лугани,—Красникъ и деревню Сухаревку. Провіантомъ оба баталіона снабжались изъ Луганскаго магазина, фуражъ же предписано пріобрѣтать отъ обывателей. Въ такомъ положеніи должны были Рязанцы встрѣтить и провести зиму 1736/7 года, готовясь къ возобновенію военныхъ дѣйствій будущей весною. Надѣяться на мирный исходъ дѣлъ, теперь, болѣе чѣмъ когда либо, не приходилось. Минувшій походъ не далъ ровно никакихъ положительныхъ результатовъ, и скорѣе можетъ быть названъ вовсе неудачнымъ. Правда, цѣль нашихъ желаній—взятіе Азова, была достигнута, но развѣ это могло уравновѣсить тяжелое впечатлѣніе неудачи Крымской экспедиціи? Событія подъ Азовомъ

имѣли только эпизодическій характеръ, безъ всякаго вліянія на ходъ войны, что вполне соответствовало не большому значенію этой крѣпости. Развѣ обладаніе ею обезпечивало намъ выходъ въ Черное море? Ничуть! Не ослаблялась и татарская сила, ибо гнѣздо татаръ въ Крыму оставалось нетронутымъ. Но допустимъ. Удалась бы и Крымская экспедиція. Много-ли выигрывала отъ этого Россія? Въ моральномъ смыслѣ-да. Но впереди все же еще оставалась нетронутой громадная турецкая армія, пренебрегать которой мы не имѣли никакихъ основаній. На Дунаѣ, въ собиравшейся тамъ непріятельской арміи, но никакъ не въ Крыму и въ Азовѣ заключался нервъ войны. Съ арміи то и слѣдовало начать. Но мы, какъ разъ, повели дѣло съ конца, а перѣшительными распоряженіями Миниха въ Крыму зря погубили много людей, разпуздали дерзость татаръ и сдѣлали несговорчивой Турцію.—Однимъ словомъ, дали лишній козырь въ руки непріятелю, вернулись къ обстановкѣ предшествующей походу 1736 года, когда все подлежало начинать съ начала. А тутъ еще, въ довершеніе всего, иностранцы генералы перессорились между собою, нанося вредъ общему дѣлу. Минихъ жаловался на Ласси, тотъ въ свою очередь на Миниха и, наконецъ, оба попросили увольненія. Недаромъ Императрица Анна говорила, что „война турецкая и сила ихъ Мена николи не покорятъ, только такіе кондовиты, какъ нынѣ главные командиры имѣютъ“⁹³. Въ благопріятнымъ условіямъ слѣдуетъ отнести возможность привлечь къ войнѣ Австрію, что допускало заключеніе послѣдней мира съ Франціею и Испаніею. Но на европейскихъ союзниковъ, а въ особенности на Австрію, рассчитывать много не слѣдовало. Сознавали это и въ С.-Петербурѣ, куда, въ концѣ 1736 г., для составленія плана кампаніи отправился Минихъ.

По настоянію Миниха предложеніе Вѣнскаго кабинета о совмѣстномъ дѣйствіи русской и австрійской армій было отклонено. Каждой предоставленъ свой операціонный районъ; для насъ, по прежнему, находился онъ въ черноморскихъ стѣняхъ, для чего всю армію раздѣлили на двѣ экспедиціи: одной, подъ начальствомъ Ласси, поручалось покореніе Крыма, въ началѣ, преимущественно, восточной его части, другою—Днѣпровской, подъ главенствомъ самаго Миниха, поставлено взять крѣпость Очаковъ, что по мнѣнію рѣшающихъ

сферъ отрѣзывало Крымъ съ сухого пути отъ турокъ.⁹⁴ Какъ видимъ, все опять полумѣры.

Избравъ Очаковъ главною цѣлью похода, Минихъ снабженіе арміи основалъ на перевозкѣ всего необходимаго водою, внизъ по Днѣпру, для чего въ Брянскѣ строилась особая флотилія изъ плоскихъ судовъ, которыя въ состояніи были бы проходить пороги. Каждое судно могло поднять четыре 3-хъ фунтовыхъ орудій и 100 человекъ десанта.⁹⁵ А слѣдовательно, флотилія имѣла и боевое значеніе, воспользоваться которымъ рассчитывали при операціяхъ на черноморскомъ побережьи.

По мнѣнію Миниха „о полкахъ при корпусахъ быть имѣющихъ“, Высочайше апробованному 20-го января 1737 года, Рязанскій полкъ причисленъ былъ къ Крымскому корпусу фельдмаршала Ласси. Такъ, послѣ расчета частей войскъ, читаемъ: „при семь, корпусѣ (Крымскомъ) быть еще, изъ состоящихъ на Дону и Донцѣ, 2-мъ полкамъ—Рязанскому и Шлюссельбургскому.“⁹⁶ Распоряженіе это наврядъ ли однакожь могло дойти до полка, ибо, на обратномъ пути изъ Петербурга въ Брянскъ, Минихъ 2-го февраля, доносилъ Императрицѣ: „Рязанскому и Шлюссельбургскому пѣхотнымъ полкамъ, стоящимъ на Донцѣ, по близости, повелѣлъ быть при Днѣпровской экспедиціи, а, стоявшіе въ Павловскѣ и Коротоянкѣ, Пермской и Вологодской пѣхотные полки, которые теперь находятся при строеніи на Дону судовъ, употреблены будутъ въ Крыму.“ Состоявшаяся перемѣна привела насъ, такимъ образомъ, на главный театръ войны. Но время передвиженія полка къ Днѣпру опредѣлить трудно. Произойти это могло, во всякомъ случаѣ, не позже второй половины марта, ибо въ началѣ этого мѣсяца Рязанцы на Луганской линіи инспектировались еще г.-м. Еронкинымъ. Тамъ, полагать надо, пополнены были ряды полка перечисленіемъ людей изъ гарнизоновъ и роты достигли небывалой давно цифры 150 человекъ однихъ строевыхъ нижнихъ чиновъ.⁹⁸ Значительно повліяло на это увеличеніе временно штатнаго состава роты на 15 человекъ, „ради надлежащаго приумноженія арміи.“⁹³ Въ началѣ апрѣля 1737 года полкъ приведенъ былъ въ совершенную готовность къ военному походу и находился уже въ окрестностяхъ Переволочны, сборномъ пунктѣ Днѣпровскаго корпуса.

О турках положительных свѣдѣній не было. Порта по прежнему вооружалась, употребляя для этого все усилія, но не прекращала мирныхъ переговоровъ. Только новый ханъ крымскій, еще до прихода Рязанцевъ, усилившись Буджакскими и Бѣлгородскими татарами, съ гарнизономъ Бендеръ, 11-го февраля, перешелъ Днѣпръ выше Переволочны, уничтожилъ отрядъ г.-м. Лесли и, бросившись между рѣками Пселомъ и Ворсклою, по направленію къ Полтавѣ, предалъ нѣсколько деревень огню и мечу. Узнавъ о приближеніи нашихъ войскъ, татары поворотили назадъ. Прискорбное событіе это, свидѣтельствуя о ненадежности Украинской оборонительной линіи, вмѣстѣ съ тѣмъ указывало на готовность къ войнѣ даже и въ зимнее время цѣлыхъ массъ, около 100 т. неприятельской легкой конницы. Надобно было спѣшить распоряженіями, парируя всевозможныя случайности.

Собравшуюся на Днѣпрѣ армію, Минихъ раздѣлилъ на дивизіи. Въ 3-ю изъ нихъ по номеру, составленную преимущественно изъ конныхъ полковъ, причисленъ Рязанскій полкъ. Дивизія эта вручена была г.-л. Леонтьеву и кн. Трубецкому, при ней же находились—г.-м. Хрущевъ и кн. Василій Репнинъ.¹⁰⁰ Не лишнее будетъ познакомиться съ названными генералами подъ начальствомъ коихъ пришлось идти Рязанцамъ въ достопамятный „Очаковскій“, какъ его называютъ, походъ 1737 года. Вотъ какъ опредѣлялъ характеръ и свойства ихъ фельдмаршалъ Минихъ.¹⁰¹ „Генералъ Леонтьевъ,“ доносилъ оцъ, „старый воинъ, понимаетъ службу, а особливо кавалерійскую. Здоровъ и крѣпкаго сложенія, но не имѣетъ ни честолюбія, ни охоты къ службѣ. Годится быть въ конюшенномъ департаментѣ, какъ охотникъ и знатокъ лошадей какого во всей арміи нѣтъ подобнаго. Кн. Трубецкой часто не здоровъ и слабъ для полевой службы, годится быть хорошимъ крыгсъ-комисаромъ. Г.-М. Хрущевъ съ великою пользою можетъ быть употребленъ при комитетѣ, при управленіи какой пибудь губерніею или въ коллегіи. Кн. Репнинъ, наконецъ, хорошій инженеръ и весьма надеженъ въ исполненіи того что ему приказываютъ.“ Характеристика, какъ видимъ, довольно блѣдная и вполне соответствующая такому цѣнителю чужихъ способностей, какъ Минихъ, который никогда не переставалъ жаловаться

на недостатокъ достойныхъ себѣ помощниковъ. Изъ четырехъ боевыхъ генераловъ три аттестуются годными въ коллегію и департаментъ, одинъ изъ нихъ, между прочимъ, выставляется большимъ знатокомъ лошадей. Не это ли послужило причиною назначенія г. Леонова начальникомъ нашей на $\frac{3}{4}$ кавалерійской дивизіи? Вообще мотивы, пристрагивающіе Рязанцевъ къ дивизіи, состоящей изъ 17 конныхъ полковъ, мало понятны. Подобная организація не вызывалась никакими соображеніями, была чисто случайной и просуществовала невѣрное недолше, какъ до начала военныхъ операцій.

Между тѣмъ, по данному ордеру еще въ мартѣ мѣсяцѣ, каждой изъ трехъ дивизій Днѣпровскаго корпуса, указаны были пункты сосредоточенія къ Днѣпру для переправы. Рязанскому полку надлежало собираться къ Орлику, на рѣкѣ Орлѣ,¹⁰² переправиться здѣсь черезъ Днѣпръ и идти къ Бугу, минуя польскія предѣлы.

„Всѣмъ быть у назначеннаго рандеву“, гласилъ ордеръ,¹⁰³ „3-го числа апрѣля, а дальнимъ полкамъ не позже 10-го.“ 6-го апрѣля прибылъ фельдмаршалъ Минихъ въ главную квартиру, въ Переволочну, направляя отсюда сборами и движеніями полковъ. Какъ однакожь ни старались, а дѣло не спорилось. Поздняя весна, разливъ рѣкъ, непролазная грязь, затрудняли сосредоточеніе и мѣшали наводкѣ мостовъ. Только 16-го числа, по 1 т. человекъ отъ каждой дивизіи, переправившись черезъ Днѣпръ, приступили къ постройкѣ предмостныхъ укрѣпленій,¹⁰⁴ а 18-го—первою начала переходъ черезъ рѣку артиллерія. Пѣхотные полки были въ то время далеко еще не все въ сборѣ. Такъ, лагерь подъ нашу дивизію, на правой сторонѣ Днѣпра, при рѣкѣ Омельникѣ, отведенъ былъ только 30-го апрѣля, а прибыть туды Рязанцамъ удалось не ранѣе 13-го мая.¹⁰⁵ При Омельникѣ оставался полкъ до 25-го числа, а затѣмъ продвинулся на 12 верстъ вверхъ по этой рѣкѣ для прикрытія лѣваго крыла арміи. Въ такомъ положеніи оставались мы до 21-го мая, выжидая подхода остальныхъ войскъ, и запасаясь провіантомъ. Здѣсь же приняли Рязанцы послѣднюю партію рекрутъ призыва прошлаго года, и знакомились съ составленною Минихомъ диспозиціею „боеваго порядка и маневровъ для генеральной баталии съ турками.“¹⁰⁶

Диспозиція эта или инструкція для дѣйствій въ бою служил дополненіемъ строевого устава и наглядно знакомить насъ съ требованіями, предъявленными творцомъ ея войскамъ. Начинаете она сопоставленіемъ турецкихъ и нашихъ преимуществъ. „Многочисленная армія и артиллерія, выносливость солдата и бѣшеный натискъ,“ говорится въ ней, „составляютъ достоинства не пріятеля. Цѣль его—дать намъ и выиграть въ поле баталіи и затѣмъ заключить миръ. У насъ же хорошо устроенная армія, боевой порядокъ и еще то, что мы ранѣе начинаемъ и позже кончаемъ кампанію. И намъ не слѣдуетъ избѣгать главнаго сраженія, а напротивъ искать и заводить оное, вступивъ въ непріятельскую землю. Какъ главное сраженіе рѣшаетъ часто войну и судьбу государствъ, то и принять мѣры: сначала Бога на помощь, а потомъ порядокъ, храбрость и знаніе дѣла.“ Послѣ такого вступленія читаемъ далѣе. „Лишь только армія соберется, учиться тому, что къ дѣлу годится. Фрунтовый огонь цѣльнымъ полкомъ или баталіономъ во время дѣла ни къ чему не годится, потому что такая пальба, какъ съ нашей такъ и непріятельской стороны мѣшаетъ слышать голосъ маіора, а маіоръ отъ дыма не можетъ дѣлать наблюденій. Еще меньше пользы отъ залпа цѣльнымъ полкомъ или баталіономъ, ибо послѣ выстрѣла проходитъ время для заряжанія.“ Признавъ, такимъ образомъ, этотъ обычный способъ открытія огня на учебномъ плацу по строевому уставу не пригоднымъ для боя, диспозиція высказываетъ что „для инфантеріи нѣтъ лучшаго огня, какъ пальба плутонгами!“ Всякій баталіонъ, требуетъ она раздѣлить на 12—20 плутонговъ, командовать ими мелкимъ офицерамъ, а сигналъ для пальбы давать полковому или баталіонному командирамъ не шнагою, а барабаномъ. Но и сама пальба плутонгами, производимая такъ какъ требуетъ уставъ, т. е. поочередно съ обонхъ фланговъ, признается диспозиціею хорошей только на парадномъ мѣстѣ, а не въ сраженіи, такъ какъ офицеръ на лѣвомъ флангѣ не можетъ знать кончилась ли пальба на правомъ. Самымъ лучшимъ средствомъ для стрѣльбы плутонгами это чтобы каждый изъ нихъ палилъ попеременно, начиная съ задней шеренги, сообразуясь только съ близъ стоящими. Такъ, стрѣляетъ сначала задняя шеренга въ первомъ плутонгѣ, потомъ въ третьемъ плутонгѣ и второмъ, затѣмъ, въ та-

комъ же порядкѣ, огонь переходитъ въ третьи шеренги, во вторыя и наконецъ въ первыя, причемъ первая шеренга, имѣющая, штыки не стрѣляетъ въ томъ случаѣ ежели не будетъ передъ нею рогатокъ, а непріятель можетъ ворваться; открываетъ она огонь только въ моментъ приближенія противника. „Идя въ сраженіе“ сказано въ инструкціи, „оставить въ обозѣ шинели, ранцы и шпаги, а брать съ собою манерки и сухари въ карманы, пороху въ рожку не имѣть съ собою, а сыпать на полку изъ патроновъ. Рогатки передъ плутонгами носить будутъ нибиперы, которыя при сближеніи съ непріятелемъ вѣшаютъ пики на рогатки. На долгомъ маршу рогатки возятся въ телѣгахъ. Всѣмъ оберъ-офицерамъ и унтеръ-офицерамъ вмѣняется въ дѣлѣ быть съ ружьями и штыками одинаковаго калибра съ тѣми, которыя въ полку. Стрѣляютъ же не всегда, а посматриваютъ на плутонгъ, стоя на его флангѣ или сзади. Капраламъ въ дѣлѣ алебардъ и эспонтоновъ не имѣть, а ружья, а въ ротѣ ихъ четыре, то въ полку 36 лишнихъ ружей. На барабанщиковъ, офицерскихъ деньщиковъ, на такъ называемыхъ неслужащихъ, а также на полкового священника и циркульниковъ инструкція возлагала обязанность выроста съ поля сраженія раненыхъ. Полковыя пушки, сказано въ параграфѣ объ артиллеріи, везутся позади фланговъ каждаго баталіона, чтобы непріятель ихъ не видалъ, а когда время открывать огонь, то одинъ плутонгъ очищаетъ имъ мѣсто и становится за сосѣднимъ. Маленькія кегорновы мортирицы, которыхъ имѣть въ полку по двѣ, стрѣляютъ, приблизившись на довольное разстояніе, зарядами 6-ти фунтовыми или гранатами и пороховыми мѣшками.“

Какъ видимъ, всѣ указанія для боя сводятся къ веденію его огнемъ, безъ малѣйшаго упоминанія о столбовеніи грудъ съ грудью, штыкомъ. Въ этомъ отношеніи, по духу, диспозиція осталась вѣрна строевому уставу. Но разработавъ уставныя приемы для открытія огня, подраздѣливъ ихъ на двѣ категоріи—годныя для боя и для параднаго плаца, диспозиція въ заключеніе предложила еще свои особые виды огня, а именно: 1) бѣглый огонь,—тотъ же плутонгами, но не по шереножно, а отдѣленіями, для чего каждый плутонгъ раздѣлялся на четыре отдѣленія, которыя и стрѣляли, начиная съ правой руки. Стрѣльба эта признана хорошей

только на мѣстѣ, когда войска стоятъ прикрыты, напримѣръ ручьемъ и т. п. 2) траншейный огонь изъ укрѣпленій, здѣсь каждый участокъ вала ввѣряется одной только шеренгѣ, передовой, изъ лучшихъ людей, конимъ передаютъ ружья изъ заднихъ шеренгъ. „Есть еще 4-й родъ огня, въ дефиляхъ“ говоритъ диспозиція, „но какъ прочіе роды огня запутываютъ только солдата и офицера, такъ что онъ во время дѣла не знаетъ, какъ ему стрѣлять, то кромѣ этихъ трехъ родовъ не должно учить ни одному другому.“¹⁰⁷ При отступленіи непріятеля допускался огонь изъ всѣхъ четырехъ шеренгъ, сообразно правиламъ для стрѣльбы плутонгами. Примкнутые штыки, какъ при наступленіи такъ и отступленіи, носила только первая шеренга. Пикинеры же, на ходу, держа конья высоко, бросали ихъ въ моментъ остановки для пальбы. Примѣнялись ли однакожь на дѣли всѣ приведенные виды огня, многосложность которыхъ пугала даже творца ихъ, Минаха? Отвѣтить можно на этотъ вопросъ только отрицательно. Тактика огня, да еще такого головоломнаго, не свойственна была духу нашего солдата. Самыя пространныя диспозиціи могли писаться сколько угодно, но когда дѣло доходило до кроваваго столкновенія, когда приходилось постоять за честь, за славу русскаго оружья, невольно пускался въ ходъ штыкъ, при молодецкомъ натискѣ. Онъ одинъ только въ теченіи многихъ лѣтъ рѣшалъ сраженія и страшенъ и понятенъ былъ турецкимъ ордамъ.

Между тѣмъ, съ 21-го мая началась переправа войскъ черезъ рѣку Омельникъ, продолжавшаяся въ теченіи 2-хъ дней. Переправляющіяся части подавались медленно вверхъ по рѣкѣ и, пройдя верстъ 20, располагались для отдыха лагеремъ. 25-го числа поднялись на развѣтъ Рязанцы и пошли степью къ верховьямъ р. Каменки.¹⁰⁸

Степное, черноморское пространство, куда впервые вступалъ нашъ полкъ, во многомъ разнится отъ хорошо знакомыхъ ему придонскихъ степей. Обширная, плоская равнина, начинаясь отъ Каменной гряды, ограничивающей нынѣшнюю Херсонскую губернію съ сѣвера, простирается вплоть до береговъ Чернаго моря. Масса водъ, какъ Ингуль, Ингулецъ, Бугъ и др., со множествомъ впа-

дающихъ въ нихъ притоковъ, текущихъ въ глубокихъ ложбинахъ и балкахъ, прорѣзываютъ эту пустынную страну съ сѣвера на югъ, раздѣляя ее на рядъ отдѣльныхъ участковъ, покрытыхъ толстымъ черноземомъ, съ рѣдкими кой гдѣ рощами, въ особенности у верховьевъ рѣкъ. Климатъ степей—теплый, сухой. Зимы бывають здѣсь не продолжительны и не суровы, но, при сильномъ восточномъ вѣтрѣ, часто случаются большіе морозы, сопровождаемыя метелями. Лѣто знойное; дожди выпадають рѣдко, отчего увеличивается сухость воздуха. Чѣмъ ближе приближаемся къ морю, тѣмъ болѣе страна принимаетъ пустынный характеръ. Черноземъ уступаетъ мѣсто извести, песку и глинѣ, рѣдко орашаемыхъ дождями. По необозримымъ, безлѣснымъ равнинамъ бушуютъ вихры, подымая столбы невѣроятно ѣдкой пыли, а рѣки, широко разлившись, на подобіе морскихъ заливовъ, съ шумомъ несутся въ Черное море. При самомъ выходѣ одного изъ такихъ заливовъ, лимановъ, въ море, на довольно высокой горѣ, возвышалась грозная турецкая крѣпость Очаковъ, стоившая много крови русскимъ войскамъ. Добраться до Очакова значительному корпусу, какъ видимъ, было не легкой задачей. Переправа черезъ ручьи, рѣчки и рѣки, балки и беураки, задерживала войска на каждомъ шагу. Полное отсутствіе населенныхъ пунктовъ, недостатокъ топлива и проч., требовали имѣть въ обозѣ все необходимое, самыя пустыя мелочи, что увеличивало обозъ до чудовищныхъ размѣровъ. Походъ при такихъ условіяхъ, да предприимчивомъ противникѣ, требовалъ необыкновенной бдительности и распорядительности. Но къ счастью, „корреспонденты“ наши объявили, что турки только еще намѣреваются перейти Дунай съ арміею въ 70 т., корпусъ же ихъ у Бендеръ, какъ говорили, не превышалъ 30 т. ч.¹⁰⁹

Отъ р. Каменки полкъ 26-го мая направился къ рѣкѣ Малому Ингулю, куда только на другой день подошелъ арьергардъ и обозъ. Началась наводка понтонныхъ мостовъ и въ теченіи двухъ дней происходила переправа. Малыми переходами, отъ 9-ти до 10-ти верстъ, подошли мы 31-го мая къ рѣкѣ Большой Каменкѣ, а на слѣдующій день Рязанцы въ авангардѣ съ г. м. Хрущевымъ двинулись впередъ къ р. Ингулю для постройки мостовъ. Переправа черезъ эту рѣку, необходимость дать отдыхъ и при-

весть въ порядокъ войска задержали насъ на Ингулѣ до 5-го Іюня. Непрiятеля нигдѣ не было видно. Только 7-го числа, послѣ переправы черезъ рѣку Сусаклей, на правомъ нашемъ крылѣ, далеко на горизонтѣ, показались какія то конныя партіи,—это были толпы татаръ, выслѣживающіи наши движенія.¹¹⁰ Не обращая на нихъ никакого вниманія, мы продолжали походъ къ Мертвымъ водамъ, куда прибыли и стали лагеремъ 9-го іюня.

Перерѣзавъ, такимъ образомъ, съ востока на западъ часть степей, на протяженіи болѣе 160 верстъ, корпусъ нашъ находился теперь на одной прямой линіи съ Очаковомъ. Продолженіе движенія въ прежнемъ направленіи вело къ Бендерамъ, поворотъ влѣво, на югъ, велъ къ Очакову. Минихъ до послѣдней минуты желалъ держать турокъ въ заблужденіи относительно нашихъ намѣреній, дабы тѣмъ воспренятствовать подать помощь Очакову изъ Бендеръ. Направляя маршъ на западъ, мы постепенно должны были принимать влѣво и, достаточно сблизившись съ черноморскимъ побережьемъ, внезапно повернуть фронтъ къ югу. Но маневръ этотъ не удался;—турки не давались въ обманъ и усиливали Очаковъ, наши же, отъ усиленныхъ маршей и многихъ лишеній, приходили въ разстройство. Достаточно сказать, что за полкомъ возился все время провіантъ но большей части въ натурѣ. Муку выдавали солдатамъ на руки, а тѣ принуждены были, за неимѣніемъ удобныхъ мѣстъ и дровъ, печь хлѣбъ въ землянкахъ, травюю, питаясь на походѣ почти однимъ сырымъ тѣстомъ.¹¹¹ Идя все время степью, страдая отъ засухи, приходилось набирать и возить воду въ бочкахъ; израсходуютъ воду и обращаютъ бочко на топливо, а то замѣняли бочками понтоны и козлы при устройствѣ переправъ черезъ буераки и овраги; отъ жаровъ приходилось тоже терпѣть немало. Иногда доходило до такой степени, что лошадинныи навозъ засыхалъ, какъ уголь, его складывали въ костры и варили пищу. Войска до крайности изнурялись походомъ. Число заболѣваній возрастало съ каждымъ днемъ, а тѣмъ увеличивались и нелюбовь и недовѣріе къ высшимъ начальникамъ иностранцамъ.

Наступившіе, между тѣмъ, вскорѣ, большіе дожди сильно замедляли движеніе. Подаваясь внизъ по рѣкѣ Мертвыя воды,

мы только 14-го числа переправились через нее, а 16-го авангард подошелъ къ рѣкѣ Бугъ. Турецкія и татарскія партіи съ тѣхъ поръ находились постоянно на виду, правда, въ приличномъ разстояніи; но заставляли насъ все таки быть въ готовности къ бою. Подъ прикрытіемъ переправившихся на понтонахъ гренадерскихъ ротъ, немедленно было приступлено къ постройкѣ четырехъ мостовъ. Въ теченіи двухъ дней работа не прекращалась. На рѣкѣ Бугѣ понемногу собралась почти вся армія, выжидая для переправы очереди. Но куда тамъ было дожидаться. Слухи о непріятелѣ становились все тревожиѣе, медлить не приходилось и пѣхота, минуя мосты, пошла черезъ Бугъ въ бродъ, а отойдя 4 версты, остановилась у рѣки Сухая Чертали.¹¹²

Съ 22-го іюня походъ совершался уже въ 3-хъ большихъ кареяхъ, въ серединѣ которыхъ находились обозы и парки, имѣя по бокамъ пѣхоту. Исполняя маневръ, Мипихъ въ боевомъ порядкѣ продвинулъ кареи къ югу, до устья Мертвыхъ водъ, откуда, 24-го числа, вновь повернулъ на западъ къ рѣкѣ Чакчалей. Полученныя между тѣмъ извѣстія, что отъ Бендеръ къ Очакову направлены значительныя и лучшія турецкія войска, заставили бросить всякіе хитрые маневры. Немедленно послѣдовало приказаніе отправить назадъ подъ прикрытіемъ обозъ и часть осадной артиллеріи, а войскамъ, повернувъ фронтъ къ югу, слѣдовать возможно скорѣе къ Очакову.¹¹³

25-го іюня полкъ вновь стоялъ на берегахъ Буга, а затѣмъ, слѣдуя внизъ по этой рѣкѣ, и переправившись черезъ ручей Яцкое, прибылъ на Янча-Кракъ 28-го числа. Захваченные здѣсь плѣнные турки объявили, что въ Очаковѣ 10 т. гарнизона при 100 орудіяхъ, и что къ великому визирю послали съ просьбой о помощи.¹¹⁴

Ничтожное разстояніе отдѣляло насъ отъ Очакова, но проходить пришлось его при условіяхъ переполнившихъ чашу горестей, испытанныхъ доселе. Татары на огромномъ протяженіи зажгли стени. Въ облакахъ густого, ѣдкаго дыма, по горячей золѣ, подъ жгучими лучами солнца, подвигались медленно Рязанскія роты и въ полдень 29-го іюня увидали, блестящія издали полудунья, на шпицахъ очаковскихъ минаретовъ.¹¹⁵ Вотъ на курганахъ

лихе Донцы завязали перестрѣлку съ конными татарскими ордами. Перестрѣлки мало по малу обращается въ жаркое кавалерійское дѣло, мы же продолжаемъ двигаться по большой дорогѣ къ Очакову и къ вечеру разбиваемъ лагерь на пушечный выстрѣлъ отъ крѣпости. Плѣнные турки, между тѣмъ, говорятъ, что въ Очаковѣ 20 т. регулярнаго войска, усилились недавно еще 7 т. босняковъ и арнаутовъ.¹¹⁶

Что же оставалось дѣлать нашимъ начальникамъ? На помощь флотилии, задержанной бурей у днѣпровскихъ пороговъ, рассчитывать не приходилось. Продовольствія не было, не было и припасовъ, необходимыхъ для веденія осады. Оставалась одна надежда на храбрость, на удачу русскаго солдата. Военный совѣтъ рѣшаетъ безотлагательный штурмъ Очакова.¹¹⁷

Тревожно провелъ полкъ ночь на 30 іюня, готовясь рано утромъ перемѣнить лагерное мѣсто и стать между лиманомъ и Чернымъ моремъ. Не успѣли однакожь и приступить еще къ этому передвиженію, какъ около 10 час. поданъ былъ сигналъ тревоги. Съ частой пальбою, въ тѣсныхъ сомкнутыхъ линіяхъ, со стороны крѣпости показалась турецкая пѣхота. Ударъ направленъ былъ на оба фланга нашего лагернаго расположенія, но въ особености на правой, гдѣ находились Узанцы. До рукопашной схватки однакожь не дошло, благодаря образцовымъ, самоотверженнымъ дѣйствіямъ полковыхъ орудій, которыя, подпустивъ турокъ на вѣрный выстрѣлъ, встрѣтили ихъ такимъ огнемъ, что непріятель дрогнулъ и, разстрѣливаемый ядрами, поспѣшно отступилъ подъ защиту укрѣпленій.¹¹⁸ Вслѣдъ за отбитьемъ вылазки, войска заняли указанный новый лагерный станъ и съ вечера приступили къ постройкѣ укрѣпленій. Предполагалось въ теченіи ночи возвести пять редутовъ съ энолементами для орудій, но ночь была такъ коротка, что успѣли окончить ихъ только два на одномъ лишь нашемъ правомъ флангѣ.¹¹⁹ Редуты эти занялъ отрядъ генерала Румянцева. Впереди редутовъ вытянулись гренадерскія роты, еще далѣе стояли казаки. На разсвѣтъ 1-го іюля турки густыми толпами высыпали изъ садовъ, окружавшихъ крѣпость, открывъ безпорядочную, но частую стрѣльбу. Въ лагерь наши

немедленно стали въ ружье и къ 6-ти часамъ уже весь корпусъ находился въ огнѣ.

Дѣло завязалось горячее. Сильно тѣсня непріятеля, Рязанскія роты, медленно, но безостановочно, подавались впередъ, штыками опрокидывая турокъ. Въ садахъ завязался упорный кровавый бой. Пощады никому не было. Солдаты, а въ особенности казаки, пѣнныхъ не брали, предавая все встрѣчающееся на пути смерти.¹²⁰ Къ вечеру, турки, окончательно выбитые изъ садовъ, отошли за палисадъ. Тотъ часъ же, хотя и съ большимъ трудомъ, въ одинъ изъ садовъ ввезены осадныя орудья, которыя съ дистанціи ружейнаго выстрѣла открыли огонь. Несмотря на темную ночь артиллерія сдѣлала свое дѣло. Городъ запылалъ и зарево огромнаго пожара освѣтило окрестности.

Къ утру 2-го іюля пожаръ все болѣе и болѣе разгорялся. Гроза пожара къ этому времени увеличилась взрывами двухъ пороховыхъ погребовъ. При безпрестанной стрѣльбѣ изъ пушекъ и мортиръ двинулись Рязанцы къ городу съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами.¹²¹ Турки въ испугѣ вездѣ отступали. Какъ вдругъ, передъ самымъ гласисомъ, наши молодцы задержаны глубокимъ и широкимъ въ 12 футовъ рвомъ. Быстро спустившись въ него, наши, не смотря на всѣ усилія, не могли одолѣть препятствія. Скользя, падая, и опять подымаясь, лѣзли наши храбрецы на брустверъ. Но все тщетно. Разстрѣливаемыя съ 25—20 шаговъ, остановились роты въ нерѣшительности. Кризисъ боя былъ близокъ. Выпустивъ всѣ гранаты и патроны, русскіе и турки перебрасывались взаимно кирками, лопатками, топорами, камнями и землей. Но долго продолжаться бой такой не могъ, и наши съ огромнымъ урономъ отступили въ сады.¹²² Такъ представляется дѣло по донесенію Миниха. Но другіе источники выставляютъ его гораздо рѣзче. Говорятъ, что наши отступали въ безпорядкѣ, что турки въ этотъ моментъ сдѣлали вылазку, беспощадно избили раненыхъ, что у Миниха выпала изъ рукъ шпага и онъ, ломая руки, кричалъ—все пропало.¹²³ Но къ 9-ти часамъ утра весь городъ былъ уже въ пламени. Распространившійся съ невѣроятной силой, пожаръ сослужилъ намъ на этотъ разъ службу. Онъ нагналъ на непріятеля такой страхъ, что тысячи

ихъ бросились изъ города къ морю, къ галерамъ. Ободренные солдаты, видя это, живо пошли по ихъ слѣдамъ, топя и избивая турокъ во множествѣ. Къ 10 час. на бастіонѣ крѣпости показалось бѣлое знамя. Сераскиръ Очакова Яжъ-паша прислалъ янчарскаго офицера съ просьбою заключить перемирие на 24 часа.¹²⁴ Минихъ согласился, поставивъ условьемъ выдать аманатовъ и сдать однѣ изъ городскихъ воротъ. Но въ то же самое время пришло извѣстие, что казаки ворвались въ крѣпость съ морской стороны, которая въ смятеніи забыта была турками. Переговоры оказались лишними и Очаковъ сдался на волю побѣдителей.

Въ продолженіи переговоровъ о сдачѣ часть нашихъ войскъ вошла въ городъ, избивая жителей. Многіе изъ русскихъ поплавились смертью при взрывѣ пороховыхъ погребовъ. Ворота крѣпости вскорѣ заняты русскими караулами, а турецкій гарнизонъ отведенъ въ лагерь. Трофеями штурма, кромѣ богатой добычи, были: 86 пушекъ, 7 мортиръ, 1 гаубица. Въ плѣнъ взяты: сераскиръ, съ четырьмя сыновьями, 214 штабъ и оберъ-офицеровъ и 3230 нижнихъ чиновъ.

3-го іюля войска, бывшіе на штурмѣ, вступили въ лагерь, а на слѣдующій день торжественно отпраздновали взятіе Очакова. За храбрые противъ непріятели поступки, не щадя жизни своей, Минихъ представилъ къ 2-хъ мѣсячному жалованію всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Но въ Петербургѣ опредѣлено выдать жалованіе за мѣсяць, и то только тѣмъ которые дѣйствительно были при атакѣ. Генералитетъ и штабъ-офицеры обнадежены были особыми наградами.¹²⁵

Многіе, и весьма основательно, упрекаютъ Миниха за его распоряженія, какъ въ день боя 1-го и 2-го іюля, такъ и до него. Отрицая всякую тѣнь неусетва въ веденіи штурма, ему одному приписываютъ огромныя потери, будто бы разорившія русскую армию въ конецъ.¹²⁶ Говорятъ, что по взятіи Очакова наши войска приведены были въ такое безсилье, что еслибы турки на насъ нанали, то не встрѣтили бы сопротивленія.¹²⁷ Большая доля правды заключается въ этомъ, кромѣ, конечно, послѣдняго. Русскіе полки изъ болѣе тяжелыхъ положеній умѣли выходить съ честью. Не излагая всѣхъ, дошедшихъ до насъ, по поводу штурма мнѣній,

ограничимся приведеніемъ только словъ участника, адъютанта Миниха, Манштейна. Вотъ, что онъ говоритъ.¹²⁸ „Надобно было имѣть счастье Миниха, чтобы выйти съ успѣхомъ изъ этого дѣла. Минихъ началъ нападеніе, не узнавши—какъ городъ былъ укрѣпленъ, даже не зная его положенія. Онъ велѣлъ приступить къ сторонѣ наиболѣе укрѣпленной, не имѣя необходимыхъ вещей для прохода черезъ ровъ, о существованіи котораго не имѣли понятія, пока не подошли къ нему, тогда какъ было бы гораздо легче овладѣть городомъ со стороны моря, гдѣ онъ защищался простою стѣною, и то во многихъ мѣстахъ поврежденною“. Какъ бы не было, Минихъ торжествовалъ, взявъ Очаковъ „найважнѣйшее мѣсто какое Россіи, когда либо, завоевать могла.“

Теперь, надлежало овладѣть теченіемъ Днѣпра, взять крѣпость Бендеры или же идти къ Дунаю, и въ нѣдрахъ Турціи исгнать заключенія почетнаго и славнаго мира. Но потери на штурмѣ, невѣроятное изнуреніе войскъ и неприбытіе флотиліи съ запасами продовольствія заставили ограничиться болѣе скромными задачами. Цѣлью всѣхъ своихъ будущихъ дѣйствій Минихъ поставилъ только прикрытіе Очакова противъ возможныхъ на него покушеній со стороны турецкой арміи. Для чего, занявъ его достаточнымъ гарнизономъ, подъ командою г.-м. Бахметьева, самъ со всѣмъ корпусомъ, 5-го іюля, двинулся къ Бугу и пошелъ вверхъ по этой рѣкѣ, наблюдая за непріателемъ.¹²⁹ Рязанцамъ не пришлось на этотъ разъ испытывать тягостей вновь открывающагося степного похода.¹³⁰ Они остались въ Очаковскомъ гарнизонѣ. Но и тамъ было дѣла не мало. Перво на перво, надлежало очистить городъ отъ тѣлъ убитыхъ на штурмѣ турецкихъ солдатъ и жителей; а покрывали онѣ цѣлыми грудами попелища Очакова. Какова была эта работа можно заключить изъ цифры похороненныхъ, которая, до 9-го іюля, достигла 18 т. человѣкъ.¹³¹ Силъ не хватало, дабы маломальски добросовѣстно справиться съ потрясающимъ нервы дѣломъ. Къ рытью ямъ и стаскиванію труповъ привлечено нѣсколько сотенъ малороссійскихъ козаковъ, что много ускорило массовыя похороны; но всеже производились они поспѣшно, кое какъ забрасывая землю разлагающіяся уже тѣла; о дезинфекціи, конечно, не было и помину и Очакову въ скоромъ вре-

мени предстояла участь зачумленного мѣста, сдѣлавшагося кладбищемъ для многихъ Рязанцевъ. Но въ то время никто еще не допускалъ столь печальнаго конца. Напротивъ. Воображеніе рисовало самое радужное будущее. Очаковъ въ двухдневномъ пути отъ Дуная, въ три или четыре дня можно отсюда поспѣть къ Константинополю. Остается только построить суда, завести флотилію, возсоздать огнемъ и мечемъ уничтоженный городъ, а тамъ Царьградъ у ногъ Россіи. И поспѣшили съ требованіемъ не жалѣть денегъ на постройку казармъ, цейгхаузовъ, церкви, госпиталей, магазиновъ, лавокъ и проч. Отказа не было. Въ Малороссію отправлены указы о посылкѣ въ Очаковъ плотниковъ, каменщиковъ и всякаго рода работниковъ, архитекторовъ и матеріаловъ. Для постройки судовъ повелѣно безъ замедленія сыскать готовыя бревна и доски, и по Днѣпру и Днѣстру сплавать ихъ въ Черное море. Какъ видимъ, жизнь у насъ была ключемъ. Но что же дѣлалъ главный корпусъ, оставивъ насъ въ выжженныхъ татарами степяхъ, на морскомъ берегу? Продолжая двигаться большую часть іюля между Днѣпромъ и Бугомъ, онъ, наконецъ, свернулъ на востокъ, и за недостаткомъ конскихъ кормовъ 17-го августа отправилъ въ Украину драгунскіе полки. Рѣшеніе такое было предвѣстникомъ окончанія кампаніи. И дѣйствительно. Черезъ двѣ недѣли Минихъ подошелъ къ Днѣпру и, совершивъ обратную въ предѣлы Россіи переправу черезъ рѣку эту у Мишунаго Рога, расположилъ весь корпусъ къ 27-му сентября на зимнія квартиры.¹³²

Удаленнымъ на сотни верстъ отъ своихъ границъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непріателемъ, въ полуразрушенной и зараженной міазмами крѣпости, пришлось проводить зиму Рязанцамъ,¹³³ отстаивая, тысячами жизней купленный, Очаковъ, единственное пріобрѣтеніе минувшаго похода.

Скорого окончанія намѣченныхъ работъ въ крѣпости и городѣ естественно ожидать нельзя было, какъ не хитрилъ Минихъ. Въ концѣ августа прибылъ онъ къ намъ на галерѣ по Днѣпру, вмѣстѣ съ г.-м. Штофелемъ, замѣнявшимъ въ командованіи гарнизономъ Бахметьева,¹³⁴ и здѣсь воочью вбѣдился, какъ далеки бумажные проекты отъ выполненія ихъ на дѣлѣ. Вмѣсто флотиліи,

предназначенной брать на морѣ турецкіе корабли и угрожать самому Стамбулу, на Очаковскомъ рейдѣ стояло нѣсколько судовъ, годныхъ для плаванія развѣ только по Днѣпру и лиману, а на нихъ ничтожное количество морскихъ офицеровъ и служителей. Считая, что всѣ авантажи будущей кампаніи принадлежать будутъ тому, кто на морѣ сильнѣе быть можетъ, Минихъ торопилъ постройкой судовъ въ Брянскѣ, давалъ инструкціи командиру Очаковской флотиліи, вице-адмиралу Сенявину, вызвавъ его для личныхъ переговоровъ въ Полтаву.¹³⁵

Но когда наши начальники переговаривались, турки и татары не дремали, и въ октябрѣ мѣсяцѣ появились подѣ стѣнами Очакова, въ числѣ 40 т. человекъ. Поневолѣ пришлось бросить заботы о благоустройствѣ города и грудью защищать добытое. На валу крѣпости, безсмысленно, при отчаянной погодѣ и безпрерывныхъ дождяхъ, проводили цѣлые дни Рязанцы. Нѣсколько турецкихъ приступовъ отбито. Наконецъ, непріятель, присоединивъ, къ погибшимъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, еще 20 т. человѣческихъ тѣлъ, бѣжалъ отъ Очакова.¹³⁶ Урокъ, заданный противнику, подѣйствовалъ. Съ тѣхъ поръ онъ и не покушался возвратить потерянный постъ. Но легче однакожъ справиться съ турецкими полчищами, нежели съ страшнымъ врагомъ, появившимся среди насъ самихъ, въ стѣнахъ крѣпости. Не одолѣла Рязанцевъ, ни турецкая, ни татарская орда, а погибать все таки пришлось отъ моровой язвы. Последніе зимніе мѣсяцы прошли еще кое какъ. Но съ февраля 1738 года смерть несущая гостя окончательно обнаружилась. Зараза быстро распространялась на благодатней почвѣ очаковского побоища, появилась въ стѣнахъ, проникла вверхъ по Днѣпру, захватывая все больше и больше пространства. Настали тяжелыя минуты выжиданія въ обреченномъ гибели Очаковѣ. И молча, безъ нареканій, умиралъ на своемъ посту Рязанскій солдатъ. И ни отъ куда утѣшенія, ни одной отрадной вѣсти! Только крѣпкая вѣра въ Бога бодрила духъ его.

Изъ главной арміи, между тѣмъ, шли слухи, что выступила она въ концѣ мая къ Бугу и подвигается на рѣку Днѣстръ.

Извѣстій о побѣдѣ дожидались съ невѣроятнымъ нетерпѣніемъ. Только побѣда могла измѣнить наше положеніе. Но Богъ су-

диль иначе. Вскорѣ, стало извѣстно, что наши отъ Днѣстра спустились къ своимъ границамъ, кончивъ неудачею кампанію. Неужели еще одна зима въ Очаковѣ? Неужели не суждено ни одному русскому выйти живымъ изъ этого зараженного мѣста? Но умиловивился надъ нами Всевышній. Въ октябрѣ мѣсяцѣ послѣдовалъ приказъ оставить Очаковъ, —этотъ городъ мертвыхъ, вызвавшій при взятіи его столько свѣтлыхъ надеждъ. Разоривъ до основанія крѣпостныя постройки, остатки полка перешли на суда рѣчной флотиліи, которая перевезла Рязанскія роты вверхъ по Днѣпру, къ порогамъ, гдѣ надъ ними учрежденъ былъ строгій карантинъ.

Неудачный исходъ войны сильно расположилъ къ миру обѣ союзныя державы, Россію и Австрію, а въ особенности эту послѣднюю, которая цѣною какихъ угодно уступокъ, даже измѣною союза, готова была его заключить. Но приниженные были турки, все выше стали подымать голову. Разорвавъ Немировскій конгрессъ, собравшійся еще въ іюль 1737 года, они предлагали такія условія мира, которыя принять могла развѣ только побѣжденная Россія. Оставалось поэтому еще разъ попробовать счастья на боевомъ полѣ, направивъ теперь главный ударъ къ Дунаю, т. е. туда, куда еще три года тому назадъ надлежало идти, и что сохранило бы Россіи много жизней лучшихъ ея сыновъ и не мало денегъ.

Въ Петербургѣ, совмѣстно съ представителями австрійской арміи, открылись зимою совѣщенія о постановленіи общаго плана кампаніи 1739 года. Отправился туда въ концѣ января и фельдмаршалъ Минихъ, сдавъ надъ войсками команду графу Румянцеву.¹³⁷ Рязанскій полкъ тѣмъ временемъ устроивался и комплектовался на Днѣпрѣ у пороговъ. Чума въ этихъ мѣстахъ какъ будто бы ослабѣла, можетъ быть за недостаткомъ жертвъ, но выше по рѣкѣ, къ Переволочнѣ и вдоль по Украинской линіи, она не переставала косить народъ.¹³⁸

А татары Буджакской и Бѣлгородской орды большими толпами собирались на Днѣпрѣ, разбѣзжая, высматривая и, повидимому, готовясь обрушиться на какой либо слабый пунктъ нашей растянутой границы. Могло ли при такихъ обстоятельствахъ идти

успѣшно дѣло благоустройства полка, разстроеннаго во всѣхъ отношеніяхъ? Конечно нѣтъ. Требовалось людей, денегъ и проч., но ничего этого не было. У насъ мало данныхъ, чтобы судить о состояніи полка. Такихъ свѣдѣній не сохранилось много. Да и о пѣхотныхъ частяхъ не особенно то заботились, ибо содержаніе ихъ не ложилось такимъ тяжелымъ бременемъ на бюджетъ, какъ напр кавалерійскихъ полковъ. Матеріаль для комплектованія пѣхоты имѣлся въ изобиліи. Поэтому то состояніе, бывшихъ съ нами въ Очаковѣ драгунъ, Новгородскаго, Пермскаго и Троицкаго полковъ можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ и на наше устройство. Такъ, три полка эти только по названію остались кавалерійскими; въ нихъ, не говоря уже о некомплектѣ, не состояло налицо ни одной лошади. Короче, они вовсе не существовали,¹³⁹ числясь только по спискамъ арміи. Что же послѣ этого остается сказать про пѣхоту? Правда, закаленный въ лишеніяхъ, немногочисленный кадръ ея, былъ великолѣпенъ, но онъ одинъ не составлялъ еще всего, когда недоставало большого двигателя денегъ. Что полкъ нуждался въ денежныхъ средствахъ свидѣтельствуютъ донесенія Миниха Императрицѣ. Вотъ какъ фельдмаршалъ представлялъ состояніе нашего единственнаго источника дохода.

„Въ сборѣ подушныхъ денегъ“, писалъ онъ задолго еще до открытія похода,¹⁴⁰ „большая недоимка, ибо помѣщики переводятъ самовольно крестьянъ не только малыми частями, но и по половинѣ своихъ людей изъ одной въ другія деревни, а тѣ остальные и за себя и за сведенныхъ платятъ подушные деньги вдвое.... хотя отъ этого въ одной провинціи людей умножается, въ другой пустота становится, отчего худое слѣдствіе для полковъ и крестьяне разоряются.“ Тутъ ужъ затрогивается цѣлая неудачная государственная система снабженія полковъ денежнымъ довольствіемъ. Исправленія ея конечно ожидать не приходилось. Весна приближалась, а съ ней начало похода. Лучшимъ средствомъ было бы отозвать полкъ въ тылъ арміи. Такъ поступалъ часто Петръ Великій. Но теперь этого не случилось. Исходъ нашли въ полумѣрѣ, вытекающей изъ плана кампаніи. Объ этомъ планѣ въ Петербургѣ были весьма горячіе споры. Австрійцы требовали отъ насъ отправления къ себѣ на помощь 30 т. вспомогательный корпусъ,

а главной русской арміи совѣтовали идти къ Хотину и далѣе въ предѣлы Молдавіи. Экспедиція въ Крымъ, какъ то это бывало въ предъидущіе годы, за неимѣніемъ фуража признавалась бесполезной. Взамѣнъ ея союзники наши предложили поставить для диверсіи особой отрядъ на Волчьихъ водахъ и Калмыцкихъ вершинахъ, донскимъ казакамъ и калмыкамъ, усиленнымъ 2 т. регулярныхъ войскъ, взять турецкія крѣпости на Кубани: Очуевъ, Темрюкъ, Тамань, затѣмъ обратиться къ атакѣ Кафы, для чего, имѣющуюся на Днѣпрѣ флотилію отправить по Черному морю даже до Козлова (Эвпаторіи). Для „перебирания“ черезъ морскія переправы, взять изъ главной арміи 36 понтоновъ, а для возки ихъ не менѣе 18 т. паръ воловъ.¹⁴¹ Съ такимъ мнѣніемъ у насъ не соглашались. „Крымъ безъ разоренія оставить невозможно“, говорилъ Минихъ,¹⁴² „а флотилія не въ такомъ состояніи, чтобы идти Чернымъ моремъ. При Козловѣ гавань открыта всѣмъ штурмамъ и турецкаго флота нападеніямъ. Понтоновъ построить скоро невозможно, ибо всего ихъ есть 36, кои должны быть при главной арміи, а что касается до приряжки то не основательно собрать такое число воловъ, ибо и главной арміи оныя нужны. Взятіе же турецкихъ крѣпостей представляется невозможнымъ тремя тысячами нерегулярныхъ и двумя тысячами регулярныхъ войскъ.“ Съ мнѣніемъ этимъ Императрица согласилась, отвергнувъ вмѣстѣ съ тѣмъ требованіе Австріи объ отправленіи вспомогательнаго корпуса; вза-мѣнъ предложена помощь деньгами. Удержалось, такимъ образомъ, только предположеніе о наступленіи въ Молдавію, на Дунай; въ то же время генераль Ласси имѣлъ разорить Крымъ, удерживая татаръ, а въ помощь ему для диверсіи назначалась Днѣпровская флотилія вице-адмирала Дмитрія Мамонова, судовую команду которой, подъ начальствомъ г.-л. фонъ Штофеля, составилъ Рязанскій полкъ вмѣстѣ съ другими бывшими въ Очаковѣ и одинаково съ нимъ ослабленными войсками.¹⁴³

Днѣпровская флотилія состояла изъ 240 судовъ всевозможныхъ тиновъ отъ казачьей лодки до большихъ галеръ и прамовъ, но среди ихъ преобладали суда незначительнаго размѣра, употреблявшіяся для рѣчныхъ промысловъ по Днѣпру и его притокамъ, какъ: байдаки, шлюпки и лодки; галеръ было всего 4, прамъ 3.¹⁴⁴

22-го марта Минихъ прибылъ изъ Петербурга въ Кіевъ; тогда же начались приготовленія къ перенравѣ главной арміи черезъ Днѣпръ. Въ полку тѣмъ временемъ получено предписаніе объявляющее Высочайшую волю о посадкѣ на суда флотиліи.¹⁴⁵

Ближайшей нашей задачей было, спустившись внизъ по Днѣпру въ море, разорить укрѣпленія Очакова, которыя турки стали было возводить, послѣ разрушенія ихъ нами въ прошломъ году. Въ этой работѣ помогать имѣли запорожскіе казаки, которыхъ, ради отвращенія своевольства въ Польшѣ, при прохожденіи главнымъ корпусомъ черезъ ея предѣлы, повелѣно присоединить къ флотской командѣ г. Штофеля.¹⁴⁶ Всѣ будущія дѣйствія наши, такимъ образомъ, зависѣли вполне отъ силы турецкаго флота въ Черномъ море. Будетъ онъ бездѣйствовать, какъ въ предшествующіе годы, безирепятственное выполнение задачи обеспечено. Но свѣдѣніямъ о непріятельскихъ обращеніяхъ, имѣвшихся въ главной квартирѣ,¹⁴⁷ въ мартѣ мѣсяцѣ, въ турецкихъ гаваняхъ, снаряжался флотъ изъ 4-хъ военныхъ кораблей, 13-го галеръ и другихъ мелкихъ судовъ. Флоту этому повелѣно было съ весны заблаговременно идти въ Черное морѣ и прикрывать работы въ Очаковѣ и Кибуриѣ. Возможность столкновенія съ нимъ значить существовала и къ этому готовились Рязанцы.

Между тѣмъ, наступила весна. Медленность сборовъ русской арміи и на этотъ разъ не была устранена. Только 28-го мая перешла она Польскую границу со стороны Василькова, а одновременно флотилія двинулась по Днѣпру. Затѣмъ, стало извѣстно, что 17-го августа турки потерпѣли поражение при Ставучанахъ, что черезъ два дня сдался Хотинъ, что непріятель бѣжитъ къ Дунаю, и Молдавія присягаетъ на вѣрность русской Императрицѣ. Дѣятельность флотиліи теперь могла проявиться вполне и полку быть можетъ пришлось бы повидать минареты Стамбула, какъ внезапно получилось извѣстіе о заключеніи Австріей отдѣльнаго мира съ Турками.

Какъ ни старались генералы, а въ особенности Минихъ, убѣдить правительство продолжать войну однимъ, въ Петербургѣ не соглашались.

При посредствѣ Франціи мирные переговоры доведены были до конца, не смотря на все усиливающіяся требованія турокъ. Но результаты почти 5-ти лѣтней войны, стоившей Россіи болѣе 100,000 людей, огромныхъ денежныхъ суммъ, получились самыя ничтожныя. Только взятый нами Азовъ остался за Россіей, но укрѣпленія его должны были быть срыты и пустынные пространства имѣли служить границей между обѣими имперіями. Русскія войска постепенно очищали занятія непріятельскія земли и возвращались въ отечество. Но Рязанцамъ при флотиліи не скоро однакожь пришлось повидать его. Охраненіе никуда теперь не годныхъ судовъ задерживало ихъ въ непріятельскихъ предѣлахъ.

